

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

5 (237) •
май 2018

ВОССТАНОВЛЕН КРЕСТ НА
МЕСТЕ РАЗРУШЕННОГО
ВОСКРЕСЕНСКОГО ХРАМА
стр. 3

«ЛЮБЯЩИЙ ВАС
СВЯЩЕННИК КОНСТАНТИН
АГГЕЕВ»
стр. 14

МЫ ВЕРИМ В ТО, ЧТО
РОССИЯ ВОЗРОДИТСЯ, ЧТО
ВОЗРОДИТСЯ РУССКИЙ
НАРОД
стр. 18

ТЕМА

ЦЕРКОВЬ

стр. 7, 23

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

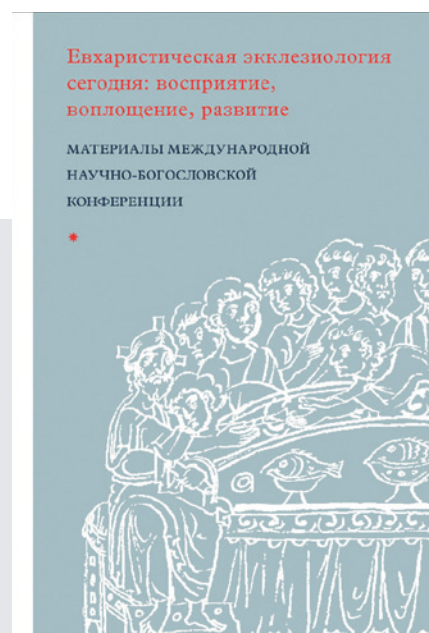
Вышел сборник XI научно-богословской конференции СФИ

В сборнике представлены материалы Международной научно-богословской конференции «Евхаристическая экклезиология сегодня: восприятие, воплощение, развитие», которую Свято-Филаретовский православно-христианский институт проводил в мае 2017 года.

Участники конференции рассмотрели современную церковную проблематику, связанную с евхаристической экклезиологией протопр. Николая Афанасьева, известного русского богослова, экклезиолога и канониста. Евхаристическая экклезиология, разработанная о. Николаем, на сегодняшний день является единственной целостной экклезиологической концепцией, признанной и на Востоке, и на Западе, не только в православном, но и в католическом мире. Однако основные идеи о. Николая были разработаны в первой половине XX века, поэтому на конференции ставилась задача, с одной стороны, собрать опыт восприятия евхаристической экклезиологии, ее развития, а с другой, постараться увидеть, может ли церковная мысль шагнуть дальше. Участники конференции говорили о том образе церковной жизни, который соответствовал бы евангельскому, новозаветному призванию народа Божьего и в то же время соответствовал бы тому времени, в котором мы живем.

Содержание сборника повторяет структуру самой конференции. Материалы сборника могут представлять интерес для всех интересующихся вопросами современной экклезиологии.

Тексты публикуются в редакции авторов.

Ректор Свято-Владимирской
православной богословской
семинарии протоиерей
Джон Бэр

Предваряя очередную, XII конференцию СФИ, посвященную проблемам границ церкви, мы хотим сопроводить анонс небольшим фрагментом одного из материалов сборника, показывающим неизбежную преемственность тематики.

«Протоиерей Джон Бэр: *Как только мы начинаем рассуждать о существовании церкви в терминах евхаристии – “бытие церкви находит свое выражение в евхаристии” и т. п. – мы немедленно переходим к вопросу о критериях, о границах, о том, кто находится в евхаристическом общении. И в результате все сводится к вопросам территории и иерархии, а это уже епископальная экклезиология.*

Возьмите, скажем, Всеправославный собор на Крите 2016 года. Самыми главными вопросами там были вопросы территории и иерархии, не так ли? Совершенно очевидно, что именно это самые большие и самые сложные вопросы. Но это ясно показывает, что произошел переход к епископальной экклезиологии. Я знаю, что это звучит очень провокационно, но это тем не менее правда. Вспомните, например, как часто цитируют св. Игнатия: “Где епископ – там и Церковь”. Но у Игнатия-то сказано по-другому! Он говорит: “Где будет епископ, там должен быть и народ, так же как где Иисус Христос, там и Церковь”. Так что когда мы говорим “где епископ – там и Церковь”, мы пропускаем народ и Иисуса Христа. Но эти два центральных звена здесь пропускать никак нельзя!»

Содержание

МАЙ 2018

~ Новость номера

Воскресе Христос,
и мертвый ни един
во гробе | 2

~ Событие

Восстановлен крест
на месте разрушенного
Воскресенского
храма | 3

~ Интервью

«Дух братства был и есть
до сих пор» | 6

~ Тема номера

Кто входит в
Богочеловечество | 7

~ Живое предание

«Любящий вас священник
Константин Аггеев» | 14

Братский помяник | 22

~ Беседы

Мы верим в то, что
Россия возродится, что
возродится русский
народ | 18

~ Поместный собор

«Гонения совершаются
планово,
по какой-то команде»
| 23

~ Молодёжь

Требуется общение,
чтобы объяснить,
в чём суть нашей веры | 26

~ Церковь и культура

Чтобы постоять за
себя и не потерять
связь с Родиной |
28

~ Письма читателей

Моя бабушка, монахиня
Сергия | 31

~ Книжное обозрение

Заполняя лакуны
церковной истории | 32

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви
(Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6,
строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 10 мая 2018 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 19 мая 2018 г.

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим
Дементьев, Александр Копировский,
Елена Шевелева, Светлана Калинина,
Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский
фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в
настоящее время находится в
помещении СФИ –
ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске
«Предание»,
тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-
Press»: 11, Rue de la Montagne-
Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11,
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

На первой странице обложки:

Шествие праведников в рай. Фрагмент фрески Страшного суда.
Даниил Чёрный (старший) и Андрей Рублёв. Владимир, Успенский собор. 1408 г.

На четвёртой странице обложки:

Памятник «Тысячелетие России». Скульпторы Михаил Микешин, Иван Шредер.
Архитектор Виктор Гартман. Великий Новгород. 1862 г.

Празднуя в очередной раз воспоминание Сошествия Святого Духа на апостолов, день Пятидесятницы, мы говорим прежде всего о Церкви, которую, по словам К.С. Льюиса, «мы

видим объемлющей пространство и время, укоренённой в вечности, грозной, как полки со знамёнами».

Однако думая об этом, мы не можем забыть того, что с самого своего рождения Церковь была в опас-

ности, и всю свою жизнь так или иначе, в той или другой стране она оставалась гонимой. Поэтому тема гонений неизбежно возникнет и в этом номере, во многом посвящённом самым разным сторонам жизни церкви. **КФ**

Александра Колымагина

Н О В О С Т Ь   Н О М Е Р А

Воскресе Христос, и мертвый ни один во гробе

В полном согласии со свт. Иоанном Златоустом именно об этом говорил пациентам и сотрудникам Первого Московского хосписа пасхальный концерт

Текст и фото: Мария Кайкова

Традиционно в дни празднования Пасхи, продолжающиеся вплоть до Вознесения, верующие приходили к тем, кто больше всего нуждался в той надежде, которую всем нам несёт Воскресение Христово – к тяжелобольным в больницы, к заключён-

ным в тюрьмы – и старались поделиться с ними и угощением, и подарками, и самое главное – пасхальной радостью. Продолжая эту старинную традицию, члены Преображенского содружества в течение нескольких последних лет приходят в Первый Московский хоспис с праздничными концертами на Рождество и на Пасху.

Концерт, который в этом году подготовила команда взрослых и детей из нескольких малых православных братств Содружества, запомнился разнообразной программой. Хор пел пасхальные песнопения на русском и греческом языках, читались стихи Бориса Пастернака, Зинаиды Миркиной и Вильгельма Кюхельбекера. Пациентам показывали иконы с сюжетами погребения и воскресения Христа, изображения жён-мироносиц и ангела, возвестившего Христово Воскресение.

В этот день звучала гитара и скрипка. Пациенты стали первыми слушателя-

После концерта дети и взрослые раздали слушателям пасхальные подарки

ми песни на стихи Алексея Степановича Хомякова в исполнении Михаила Миронова.

Потом под аккомпанемент синтезатора дети и взрослые разделились на две команды и направились дарить подарки и угощения пациентам, которые не смогли прийти на концерт. Это был очень тонкий, деликатный момент. К кому-то подходили и молча ставили на тумбочку подарки, кого-то из пациентов удалось поздравить

вслух и немного поговорить и даже спеть пасхальный тропарь. Не остались без внимания и сотрудники хосписа. Им тоже дарили подарки и благодарили за труд и заботу.

Затем все снова собрались в холле для традиционного чаепития с сотрудниками и теми пациентами, у кого остались для этого силы. Разговор за чаем проходил в душевной атмосфере и под аккомпанемент гитары, что очень всем понравилось. **КФ**

Восстановлен крест на месте разрушенного Воскресенского храма

Неизвестные хулиганы уничтожили крест 7 ноября 2017 года, установлен заново он был в дни Страстной седмицы

Текст: Анастасия Наконечная. Фото: Анна Лепёхина

Протоиерей
Михаил Чельцов

**Помните пушкинское:
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову – и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье**

Здесь поэт говорит о той самой петербургской Коломне и о Покровском храме, который находился буквально в двух шагах от Воскресенского. В советское время оба эти храма, как и многие другие, были разрушены.

Храм Воскресения Христова и Михаила Архангела
в Малой Коломне. Фото 1900-х годов

8 апреля, в самый день Пасхи, петербуржцы исторического района Коломна традиционно встретились на месте разрушенного храма Воскресения Христова. Помните пушкинское:

*Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову – и в
воскресенье
Там слушать русское
богослуженье...*

Здесь поэт говорит о той самой петербургской Коломне и о Покровском храме, который находился буквально в двух шагах от Воскресенского. В советское время оба эти храма, как и многие другие, были разрушены.

Удивительно, но многие петербургские храмы оказываются связаны с существовавшими здесь историческими братствами, хотя поначалу этого и не предполагалось. Вот и Воскресенский

храм (в народе его ещё называли Михаило-Архангельским в честь одного из приделов) был основан отнюдь не братством, а по инициативе «54-х обывателей коломенской части». Это был величественный храм с несколькими приделами. Один из них, находившийся в крипте, по свидетельству архим. Августина (Никитина), «в точности воспроизводил Вифлеемский Вертеп в Святой Земле, как формой, так

Женская богадельня Александры Калитиной

Мы продолжали недоумевать, что это за обыск у священника, как, где и что «они» будут искать. Но как был стол у нас с чайной посудой и листом бумаги – наброском нашего маршрута для крестного хода, так всё продолжало оставаться и теперь: убрать или замаскировать что-либо мы не думали.

и размерами», что привлекало сюда множество богомольцев.

В самом приходе братств не существовало, были благотворительные организации – Женская богадельня Александры Калитиной и Общество вспоможения бедным. Однако в течение 11 лет, с 1894 по 1905 год, Воскресенский храм был центром православного эстонского прихода в Петербурге, для которого был выделен придел. Службы там совершались на эстонском языке. В это время эстонское православное братство во имя Исидора Юрьевского строило неподалёку свой братский храм: многие эстонцы работали здесь же, в Коломне, в Адмиралтействе или на Балтийском заводе. Когда Исидоровский храм был построен, братчики перешли туда.

Последним настоятелем Воскресенского храма в 1924–1930-х годах служил будущий новомученик протоиерей Михаил Павлович Чельцов. Это был известный в городе священник, миссионер, в прошлом – председатель епархиального совета, настоятель крупного Свято-Троицкого собора и руководитель православного братства при соборе. Кстати, с опытом православных братств отец Михаил познакомился ещё в Калуге, будучи мирянином. Там он в течение четырёх лет препо-

давал в семинарии. Именно в это время он вступил в Калужское братство, занимавшееся просветительством и миссионерством. Как член братства Михаил Чельцов встречался со многими людьми, общался, отвечал на вопросы, в том числе во время диспутов со старообрядцами. Миссионерская деятельность Михаила Чельцова была настолько заметна, что губернатор составил о нём специальный отчёт для Николая II.

В Петербурге отец Михаил продолжал свою миссионерскую деятельность, входил в «Кружок 32-х», который со временем преобразовался в Братство ревнителей церковного обновления. Своей целью братство видело содействие обновлению церкви.

В первые же месяцы после Октябрьского переворота отец Михаил пережил обыск. Он состоялся накануне грандиозного крестного хода в защиту Александро-Невской лавры:

«Январь 1918 года. Царят уже большевики и повсюду нагоняют страх и трепет. Из боязни вооружённых сопротивлений в самом городе они ищут везде и у всех всякого рода оружие. Я никоим образом не думал, что оружие или сохранение его они предположат и у нас – православных священников. Но у страха глаза

велики. Подвергся обыску и я. Был зимний вечер, – так часов восемь-девять. У меня собрался причт Троицкого Измайловского собора: обсуждали подробности нашего участия в устраивавшемся тогда, а потом и состоявшемся весьма грандиозном всегородском многочисленном крестном ходе из всех церквей к Александро-Невской Лавре, а от неё – к Казанскому собору. Настроение у нас у всех было довольно-таки приподнятое, бодрое и даже, пожалуй, дерзновенное.

В связи с этим крестным ходом по городу ходили самые разнообразные слухи. Говорили, что большевики его не допустят, т. е. как-либо предотвратят: тогда так ещё было свободно, что ни о испрашивании разрешения у начальства на него, ни о запрещении его большевиками не могло быть и речи. Если же мы пойдем, то в нас будут стрелять из холостых орудий, чтобы возбудить панику и вызвать народное возмущение, чтобы потом как следует расправиться со всем духовенством и церковниками как бунтарями. Уверяли, что нашим крестным ходом замышляют воспользоваться политические враги большевиков и стрельбой и всякого рода провокацией направить религиозное шествие на возбуждение против

Фотография из следственного дела
о. Михаила Чельцова

Воскресенский сквер
на месте снесённого храма

Поклонный крест

большевиков. И другое многое передавалось, и всё, как обычно полагается, “из самых верных источников”. Мы – церковные люди – бодрились, но всё-таки побаивались возможных тяжёлых эксцессов. Поэтому, например, и я приготовился к участию в этом ходе исповедия...

Собрались и толкуем... Является в квартиру покойный теперь смотритель института М.Н. и твёрдо заявляет, что сейчас с обыском придут и ко мне. Это известие нас уже несколько смутило, – особенно моих гостей, застигнутых в чужой квартире. Но всё-таки мы продолжали недоумевать, что это за обыск у священника, как, где и что “они” будут искать. Но как был стол у нас с чайной посудой и листом бумаги – наброском нашего маршрута для крестного хода, так всё продолжало оставаться и теперь: убрать или замаскировать что-либо мы не думали...

Настроение во время обыска мною переживалось какое-то странное: здесь было и немало возмущения за это наглое недоверие, тут была и брезгливость при обшаривании хотя бы одежды, и смешно было смотреть на людей, занимающихся, как тогда казалось, пустяками. Но только страха или какого-либо опасения за своё

положение и за последствия обыска не было нисколько...»

Следующий обыск и арест в 1922 году отец Михаил воспринимал совсем иначе. В это время он был настоятелем Свято-Троицкого собора. Его арестовали по делу о «сопротивлении в изъятии церковных ценностей» и вместе с митрополитом Вениамином (Казанским) и ещё 8 узниками приговорили к расстрелу. 40 дней провёл о. Михаил в камере смертника и только после этого узнал, что шестерым приговорённым, в том числе ему, расстрел заменили заключением в лагерь.

Последний арест, закончившийся расстрелом, произошёл в 1931 году, когда отец Михаил как раз был настоятелем Воскресенского храма в Малой Коломне. «Дело о графине Зарнекау», дочери принца Ольденбургского, которой удалось бежать из СССР, было основано на её публикациях в эмиграции. В них она описывала свой побег и упоминала множество имён. Отец Михаил видел её дважды в жизни – и этого оказалось достаточным для расстрела.

В 2009 году на месте Воскресенского храма был поставлен поклонный крест. В день Пасхи у него собираются жители находящихся рядом кварталов для

того, чтобы на этом историческом месте помолиться и поздравить друг друга с Воскресением Христовым. Обязательными участниками этих встреч всегда бывают потомки отца Михаила Чельцова, в первую очередь его внук Анатолий Васильевич Чельцов.

В дни столетия Октябрьского переворота, в ноябре 2017 года, поклонный крест, стоявший в центре Воскресенского сквера, был разрушен в одну ночь. И буквально за несколько месяцев местные жители в основном силами объединения местных ветеранов «Наше Отечество» при поддержке Свято-Петровского малого православного братства установили новый, более крепкий деревянный крест.

И уже у нового креста в день Пасхи собрались молящиеся. Им вручались в подарок небольшие куличи. В дар собравшимся хор Свято-Петровского братства исполнил богослужение на русском языке. Отец Василий Мартынюк поздравил всех с Воскресением Христовым. Кто-то из молившихся подошел потом к хору со словами благодарности: «Вы знаете, столько лет хожу в храм и не всё было понятно. А сегодня как вы хорошо пели, даже удивительно, какие хорошие слова. Спасибо вам!». **КФ**

«Дух братства был и есть до сих пор»

Интервью с митрополитом Ташкентским и Узбекистанским Викентием

Беседовала Анастасия Наконечная. Фото: Александра Колымагина

Владыка, что делается по изучению исторических братств в вашей митрополии и какова сегодня ситуация с братствами?

Мы помним о том, что у нас в епархии служил митрополит Гурий (Егоров), один из основателей Александро-Невского братства в Петербурге, и владыка Иоанн (Вендланд), и владыка Михей (Хархаров), который тогда не был ещё архиереем. Дух братства был и есть до сих пор, хотя, к сожалению, мы не можем организовать братства так, как они организовали тогда. Но у нас есть социальные, благотворительные движения среди верующей молодёжи. Один из таких коллективов – «Делаем добро» – приехал в этом году на Рождественские чтения набираться опыта. Они только начали своё существование, но у них есть довольно хорошие результаты. Они помогают бедным, нуждающимся, ходят в детские учреждения, в дома престарелых, поддерживают тех, кому необходима помощь. Так что работа такая есть, но не настолько широкая и большая, как хотелось бы.

Сложность в том, что у нас очень многие уезжают в Россию. Только подготовишь хорошего человека, который мог бы быть руководителем в этом направлении, вожаком – и он уходит. Пока найдёшь другого, уходят те, кого он мог бы вести за собой. У некоторых батюшек просто руки опускаются, они уже не знают что делать. Вот такая у нас ситуация – довольно непростая.

Владыка, я Вас, может быть, немножко порадую: Вы, наверное, слышали, что у нас в Петербурге открылся памятник всем православным братствам и членам православных братств,

Во время Рождественских чтений 2018 г.

пострадавшим в годы советских репрессий. И там среди имён, выбитых на плите (их больше ста), есть имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого), поскольку он стоял у истоков Ташкентского братства в 1920-е годы. Так что мы вашу епархию вспоминаем, и не только тех, кто приезжал к вам из других регионов, но и тех, кто у вас там устраивал братства. Я только что рассказывала об этом на конференции, которая проходила в Молдове, в Ново-Нямецком монастыре – наверное, Вы его знаете и помните.

Ещё бы, ведь я открывал этот монастырь и был там первым монахом... **КФ**

Кто входит в Богочеловечество

Священники о границах Церкви

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина. Фото: Александр Волков

Накануне конференции «Современная православная экклезиология: природа Церкви и её границы» «Кифа» обратилась к нескольким священнослужителям с одним и тем же вопросом:

«Сто лет назад, на второй сессии Поместного собора, при обсуждении вопроса о гонениях на церковь соборяне столкнулись с серьёзной проблемой: «Ясно, что гонения на Церковь проистекают из самого существования социализма той марки, под какой он принят и проводится нашими правителями. Но вот здесь-то и встаёт грозный и страшно трудный вопрос: а народ-то наш православный, верующий, богоносец, про который мы говорим, что он не воспринял и не может воспринять такого социализма, как этот народ очутился во многих местах среди самых ярых гонителей? Верим ли мы, имеем ли право и теперь, после того, что произошло и происходит, верить и утверждать, что православный народ наш верит в Бога, что он не безбожник-социалист, а остаётся верным своей Церкви?» (из выступления докладчика Комиссии о гонениях протоиерея П.Н. Ляхостского). Среди тех, кто был крещён в православной церкви и ежегодно исповедовался, оказалось и множество людей, готовых ценой жизни Церковь защищать (достаточно вспомнить многолюдные крестные ходы 1918 года в Петербурге и Москве), и огромное множество тех, кто преследовал верующих, глумился

над мучениками и исповедниками или просто равнодушно смотрел на происходящее (известны случаи, когда арест священника происходил в храме на глазах у многочисленных прихожан).

Вопрос о том, кто действительно является членом церкви, а кто только называет себя православным, стоит и сегодня. В августе 2017 года на фестивале «Преображенские встречи» во время обсуждения проблемы соборности представитель Синодального миссионерского отдела о. Серапион (Митько) сказал: «Для того, чтобы миряне как царственное священство могли принимать деятельное участие в жизни Церкви — например, выдвигать из своей среды священников, — необходимо понять, кто есть член церкви. Сейчас очень многие люди называют себя православными, или (есть ещё такое самоназвание) прихожанами. Вплоть до того, что иногда приходится слышать парадоксальные вещи: “Я прихожанка, но я против того, чтобы здесь строился новый храм”. В тех сообществах, где есть тождество формального и фактического членства, дух соборности присутствует. Но для этого прежде всего приход должен стать общиной там, где это возможно».

В связи с этим хотим задать Вам вопрос: сталкивались ли Вы в Вашей пастырской практике и каким образом с остро стоящей в течение долгого времени проблемой границ церкви? Когда это было? Изменялась ли, на Ваш взгляд, ситуация с течением времени?

Протоиерей Георгий Митрофанов: Одной из главных проблем нашего обыденного экклезиологического сознания является то, что, во-первых, церковь ассоциируется у нас не с людьми, а с некоторыми, а бы так сказал, ритуально атрибутивными материальными предметами. Церковь — это храм:

«Я пошел в церковь. Я ушёл из церкви, потому что мне нужно пораньше».

Второе: даже в тех случаях, когда всё-таки звучит определение церкви как сообщества, признаками входящих в него людей как христиан часто считается то, что нас христианами в полном смысле этого слова не делает —

самоидентификация человека, который считает себя православным просто в силу того, что он родился в России, что у него предки были православными, что его самого крестили. При этом жизнь его протекает так, как будто Христа никогда и не было. И наконец, нередко восприятие церкви как сообщества принимает форму

подбора людей по признаку соблюдения ими опять-таки каких-то внешних, обрядовых сторон церковной жизни: ходит на Пасху в храм, красит яйца, освящает жилище, офис, машину, крестит детей. Конечно, мы можем ещё много предполагать подобного рода градаций, которые дают людям возможность относиться и самих себя, и окружающих к церкви.

Но я бы предложил более, может быть, конкретные, а с другой стороны, оставляющие определенного рода апофатический зазор признаки церкви и её границ. Церковь – это, конечно, прежде всего люди. Но люди, не просто верующие во Христа и желающие правильно сказать про веру во Христа, потому что на самом деле ни один ответственный человек из верующих не скажет «я верую во Христа». Он предпочтёт сказать «я хочу веровать во Христа» и будет более близок к истине. Это люди, желающие уверовать во Христа и в своём желании уверовать во Христа старающиеся исполнять важнейшие христианские заповеди. Почти ни у кого не получается их полное исполне-

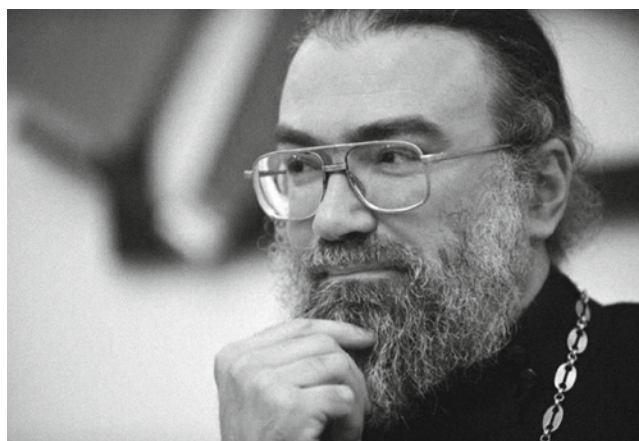
ние. Практически ни у кого. Выяснить меру того исполнения христианских заповедей, которое позволяет сделать человека христианином, невозможно. И тем не менее существует один формальный признак, который должен считаться как бы основополагающим для того, чтобы речь шла о человеке как о христианине: если человек исполняет свои христианские обязанности, исполняя то, что заповедал ему Христос, – причащается. Потому что в конечном итоге нельзя быть христианином, не участвуя в евхаристической жизни церкви.

Другое дело, что можно не быть христианином по существу и участвуя в евхаристической жизни церкви. Поэтому это тот минимум, который необходим в подходе к самому себе, к человеку, к людям вообще, дабы классифицировать их статус по отношению к церкви – участие в евхаристической жизни церкви. А ведь участие в евхаристической жизни церкви предполагает не просто периодическое причащение, а участие в жизни евхаристической общины в той мере, в какой эта община сформировалась.

Поэтому для меня Церковь – это прежде всего сообщество людей, объединённых в евхаристическую общину как основополагающую часть Церкви. Возникает другой вопрос: а все ли входящие в евхаристическую общину её члены являются христианами? Даже те, кто платит десятину, исполняет заповеди, соблюдает посты, читает правила. И здесь открывается нечто, что не может быть никак исчерпывающе выражено в рациональном плане. Ни один человек,

даже причащающийся регулярно, старающийся выполнять заповеди, не может в полной мере сказать, что он состоявшийся христианин. Это будет явлено ему Господом Богом на Страшном суде, мерой полноты его христианской жизни. Но во всяком случае говорить всерьёз о наличии Церкви можно только там и тогда, когда речь идёт о людях, обращённых ко Христу, стремящихся быть со Христом на Трапезе любви, Тайной вечере, на Евхаристии и пытающихся своё евхаристическое единение со Христом воплощать в конкретных поступках, конкретных обстоятельствах своих весьма разнообразных жизней, которые действительно у разных людей различны.

Но при этом мы должны помнить, что даже в такого рода церкви мера исполнения людьми полноты воли Божьей остаётся сокрытой как от них самих, так даже подчас и от самой общины, потому что у человека есть великое счастье, связанное с тем, что судить его будут в этой жизни не церковь как таковая, не братья и сестры во Христе, не члены церкви, а Иисус Христос, Который даже в церковном единении людей к каждому человеку относится сугубо индивидуально и возгревает дары каждого человека в отдельности. И вот в этом универсальном синтезе полноты свободы индивидуальной жизни человека и уникального единства людей во Христе евхаристической общины и заключается таинство Церкви, которое навсегда остаётся тайной для всех тех, кто к церковной жизни относится иначе.

Игумен Пётр (Мещеринов):

Вопрос должен быть разделён на два подвопроса. Первый – «внешние границы Церкви», то есть грань между православием и инославием. Здесь для меня никаких вопросов нет уже довольно давно; я придерживаюсь точки зрения свт. Филарета, что «никакую Церковь, верующую, яко Иисус есть Христос, не дерзну я назвать ложной».

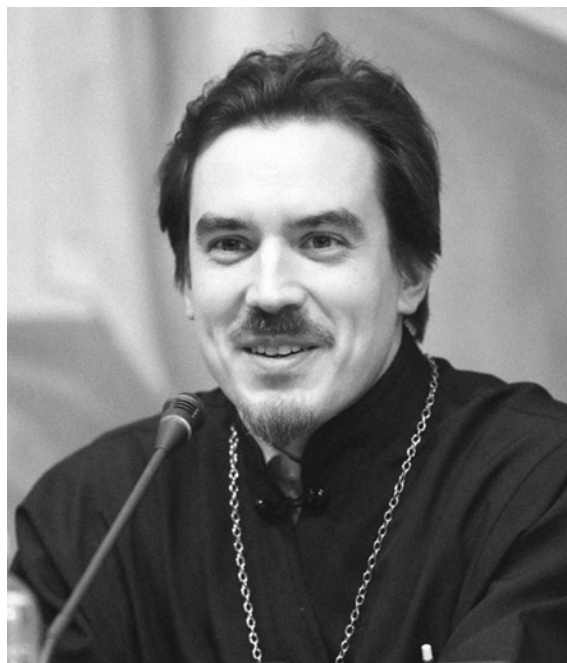
Второй подвопрос – некие «границы Церкви внутри Церкви» (как раз то, что обсуждали отцы Собора 1917–1918 гг.). На мой взгляд, такие границы есть, и были всегда – во всяком случае, с IV века, когда Христова

Церковь перестала быть гонимым меньшинством и трансформировалась в Церковь мира сего, Церковь Империи. Эти границы не определены точно. Описать их можно так: в Церкви всегда есть «малое стадо» (Лк 12:32) – люди, стремящиеся жить со Христом и во Христе *par excellence*. Но в Церкви есть и люди – и их большинство, – у которых в силу историко-культурных причин их естественная «общерелигиозность» выражается в христианской форме. Если нет внешних гонений, «общерелигиозное» церковное большинство в том или ином виде будет гнать христианское меньшинство,

поскольку «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим 3:12), при этом гонители будут думать, что «они тем самым служат Богу» (Ин 16:2). А когда гонение опять становится внешним, то «общерелигиозное большинство» в силу своей природы присоединяется к гонящему большинству. Здесь и проходит эта граница. На мой взгляд, это данность, с ней ничего нельзя поделать, её просто необходимо учитывать. Сто лет назад это явление выразилось с предельной наглядностью; и удивления заслуживает не оно, а то, что отцы Собора недоумевали по этому поводу.

Если нет внешних гонений, «общерелигиозное» церковное большинство в том или ином виде будет гнать христианское меньшинство, поскольку «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим 3:12), при этом гонители будут думать, что «они тем самым служат Богу» (Ин 16:2). А когда гонение опять становится внешним, то «общерелигиозное большинство» в силу своей природы присоединяется к гонящему большинству.

Вспомните многолюдные демонстрации в пользу Церкви в 1918 году, называемые по старинке крестными ходами. Где эти защитники Церкви лет через пять? Их в разы меньше. Всё это тоже примеры ухода из Церкви? Или нет?

Протоиерей Константин Костромин: Вопрос сложный. Мысли на подобные темы приходят в голову постоянно. Я склонен считать, что ответа на этот вопрос нет. Причина в следующем. Пытаясь ответить на вопрос о том, кто член Церкви, а кто – нет, мы ищем какой-то более или менее надёжный формальный критерий этого членства. Если искать формальный критерий, то он есть – это факт крещения. Крещёный христианин может быть верным и неверным своей Церкви, может быть более последовательным и «чистым», а может быть поверхностным и «ленивым рабом», однако его членства в Церкви и ответственности за поведение никто не отнимает.

Однако судя по неудовлетворённости этим критерием (а он не устраивает и меня), мы пытаемся заменить его каким-то другим. И вот тут-то и возникают трудности. Других формальных крите-

риев нет. Одним из них с давних пор выступает греховность: в чине исповеди мы молимся о кающемся «примири и соедини его Святей Твоей Церкви». То есть, согрешив, человек отпадает от Церкви. И действительно, время от времени кто-то из, казалось бы, постоянных прихожан, которые, казалось бы, надёжны как члены Церкви, вдруг, впад в какой-то, кажущийся им тяжким, грех, перестают посещать собрания именно потому, что чувствуют себя отпавшими, недостойными. Есть ли здесь чёткий критерий? Нет. А что говорить о вдруг вспыхивающих сомнениях в Боге, в спасении, в правильности именно православного пути духовной жизни, даже у самых надёжных христиан? Каждый священник знает такие примеры: человек, христианин, на которого он полагался как на себя, вдруг бросает храм и перестаёт думать о Боге. Где

тут критерий? Его тоже нет. Те самые примеры с многолюдными демонстрациями в пользу Церкви в 1918 году, называемые по старинке крестными ходами. Где эти защитники Церкви лет через пять? Их в разы меньше. Кое-кто смутился от поведения Церкви в связи с появлением обновленчества (далеко не сразу и далеко не для всех это был раскол, это была смутительная часть Церкви), кто-то поддался на агрессивную пропаганду, кто-то испугался и спрятался. Всё это тоже примеры ухода из Церкви? Или нет? Мы не ответим.

Поэтому вместо того, чтобы искать эти критерии, я предпочитаю вспоминать притчу Христа о семени, которое падает на разную почву человеческих сердец (Лк 8:5–15). А кто остался в Церкви, а кто – нет, решать будем не мы, а Бог, и то не сейчас, а «так будет при кончине века сего» (Мф 13:40).

Священник Георгий Ко-

четков: Надо признать, что о. Серапион здесь был недалёк от истины. Действительно, вопрос соборности, являющийся по преимуществу мистическим, духовным вопросом, в какой-то степени связан с вопросом границ церкви, который тоже может быть отчасти назван мистическим. Я говорю «отчасти», потому что есть сугубо внутренние и духовные критерии границ церкви, но есть и внешние границы и их критерии. И конечно, пока у церкви нет границ, нет и полноты ответственности внутри неё. Мы это хорошо понимаем.

Но вопрос о границах церкви вообще непрост. Он не решается только, скажем, введением членства в приходах. Многие считают, что этого достаточно, однако даже здесь надо учесть ещё многие факторы. В каждом приходе есть и постоянные, и «переменные» члены, которые зашли в храм случайно, я здесь имею в виду и тех, кому на какое-то время по тем или иным причинам оказалось удобно ходить в этот храм (например, они поселились рядом с ним или

пришли к священнику, который в нём служит, что часто бывает). Всё это должно быть учтено при установлении членства в приходе.

При этом можно иметь списки членов прихода, но в то же время границ церкви этим не установить, ведь вопрос этих границ связан, безусловно, и с внутренними отношениями: отношением человека с Богом и с ближними, с верными – членами церкви и непосредственно членами прихода, или общины, или братства, в которые тоже может входить верующий человек. Конечно, важны и отношения человека с внешним миром, его отношение к людям, которые не входят в данную общину или данный приход, и вообще к тем, кто не является членом церкви. Всё это относится и к вопросу границ церкви, и к вопросу ответственности, и к вопросу соборности.

В своей священнической практике мне приходилось, безусловно, сталкиваться с вопросом границ церкви. Когда я был настоятелем Владимирского собора бывшего Сретенского монастыря

на Большой Лубянке в Москве, а потом ещё и храма Успения в Печатниках недалеко от Сретенского монастыря, в начале улицы Сретенка, я всегда старался вести списки членов прихода, никого не загоняя насильно, но призывая людей взять на себя ответственность за всё, что в данном приходе происходит. Наши приходы были миссионерскими и общинно-братскими, поэтому там были сотни людей, готовых вступить в общее число постоянных прихожан, членов приходской общины.

Эти люди хорошо запомнили собрание, на котором обсуждались особенности нашего миссионерского прихода. Мы принимали общее единогласное решение о желательности богослужения на русском языке и о чтении всех тайных молитв вслух на их историческом и смысловом месте, о необходимости проповеди после Писания и служения с открытыми царскими вратами, то есть делали то, что делали многие священники ещё и до революции 1917 года, и после, до 1937 года, пока они все не были расстреляны. Это было

В начале 1990-х Владимирский собор Сретенского монастыря не был отгорожен от ждущего свидетельства мира глухой стеной...

Когда я был настоятелем Владимирского собора бывшего Сретенского монастыря на Большой Лубянке в Москве, а потом ещё и храма Успения в Печатниках недалеко от Сретенского монастыря, в начале улицы Сретенка, я всегда старался вести списки членов прихода, призывая людей взять на себя ответственность за всё, что в данном приходе происходит. Наши приходы были миссионерскими и общинно-братскими, поэтому там были сотни людей, готовых вступить в общее число постоянных прихожан, членов приходской общины.

именно нашим общим решением. Такое было бы невозможно, если не было бы границ, если не было бы начатков соборности на этих приходах.

Второе событие, которое произвело большое впечатление на тех, кто решился стать членом прихода, кто решился таким образом начать устанавливать какие-то границы церкви для обретения настоящей церковной ответственности, было связано с событиями 1994 года, когда я был лишён возможности служить во Владимирском соборе. Меня перевели в маленький, фактически приписной храм Успения в Печатниках (до того я был настоятелем обоих храмов, т. к. оба храма открывало наше братство). Святейший патриарх Алексей II знал о том, что у нас есть членство в приходе, но когда принималось это решение, никто не поинтересовался мнением прихожан, мнением церковного народа. А это были сотни и сотни человек, может быть, даже больше тысячи. То же самое потом произошло и с храмом Успения в Печатниках, который тоже нам пришлось оставить не

по нашей вине. Тут доверие людей к значению членства в приходе, к составлению списков, собиранию анкет, касающихся ответственности и пожеланий прихожан, было подорвано, причем глубоко. А значит, была подорвана в сердцах некоторых даже вера в церковь. Многие не могли поверить, что можно было так отнестись к множеству живых, искренне верующих и благочестивых людей.

Поэтому для меня вопрос о границах церкви является очень важным и очень живым, вопросом практическим. Мне приходилось много думать об этом, писать и публично выступать на эти темы на больших международных конференциях ещё в самом начале 1990-х годов. И то, что я говорил, не было плодом абстрактных размышлений, оторванных от действительности, каким-то благопожеланием, нет-нет.

Я уже тогда говорил о том, что границы Церкви могут быть разными. Они могут быть каноническими, связанными с фактом крещения и постоянного причастия, с субъективным ощуще-

нием веры и жизни по вере. Они могут быть мистериальными, когда человек участвует в таинствах, принимает все догматы и старается воплощать в жизнь аскетические идеалы. Но есть и мистические границы Церкви, определяемые тем, что в Церковь входят те люди, в которых вселилась благодать Святого Духа, которые родились свыше и не потеряли этой благодати, этого Божьего дара, которые находятся в постоянном общении с Богом и ближними и стараются исполнять слово Божье, все заповеди Божьи, особенно данные нам во Христе, в учении апостолов и святых отцов. Понятно, что все эти границы Церкви иногда противоречат друг другу. Понятно, что они со временем, в течение истории все больше и больше расходились друг от друга. Когда-то в древности – в изначальной Церкви – они, скорее всего, были едиными. Были люди, которые находились во внешнем единстве друг с другом, выполняли все установленные традиции и правила своей общины. Они же были людьми, которые участвовали в крещении и евхаристии,

На богослужении в храме Успения
в Печатниках, середина 1990-х гг.

которые соблюдали правила веры и жизни православной. И они же ощущали в себе действие и силу Духа Святого, и своё единство во Христе и через Христа с Отцом Небесным.

Но кто может судить об этих мистических границах церкви? Несколько старцев, которые соберутся вместе, как Вы говорили как-то в своих лекциях? Кто может судить, сошёл на человека Дух Святой или нет?

Судит об этом Церковь – по духу и по плодам. Другого выхода здесь нет. У нас нет такого «духометра», который бы однозначно давал нам ответ на этот вопрос. И действительно, по плодам и по духу может судить не любой человек. Может судить человек святой, тот, кого церковь почитает святым, особенно если их несколько, двое или трое, собранных во имя Христово, если их мнение едино, хотя бы в главном, в целом. Тогда можно сказать: да, они могут прозреть эту реальность и явить её миру через свой благодатный

пророческий дар, который даётся каждому святому человеку, каждому возрождённому свыше человеку, каждой христианской личности. И именно так надо судить – когда собирается Церковь, всё собрание, где есть и великие люди, и простые, есть и начинающие, и опытные, и где тем не менее Дух Святой действует на всех. Когда это действительно так – а Церковь только там, где действует благодать, – то так и определяют-ся люди, находящиеся в мистических границах Церкви, люди, входящие в Богочеловечество.

Но и с мистериальными границами тоже ведь не всё просто. С одной стороны, нужно участвовать в таинствах, но ведь в них тоже можно участвовать по-разному. Например, «по касательной». Тогда может быть и так, что «вода тебя примет, а Дух не примет»¹. От этого предостерегали святые отцы готовящихся к крещению. То же самое они говорили о причастии: что можно «причаститься на земле и остаться непричастённым на

Небе»². Отцы считали, что свидетельство истинности и духовной, мистической действенности всех таинств заключается не в учёте внешних фактов – часто ли человек причащается, как готовится, и т. д., – а вот в этом внутреннем свидетельстве Духа, исходящего изнутри человеческого сердца. Его не может не прозреть сама церковь, даже если в ней ещё находятся недостойные люди, если в неё попали люди случайные и, может быть, безблагодатные, даже если эти люди находятся у кормила жизни этой общины, может быть, и возглавляют её. Всё равно Дух открывает себя всем. Найдётся всегда человек, который засвидетельствует истину, если, конечно, повторяю, это настоящая Церковь, Христова Церковь, а не только её видимость или тёмный двойник, как в таких случаях говорят богословы.

Это очень практическая вещь, и она вполне может быть реализована в наших условиях, при всех сложностях нашей современной жизни. **КФ**

¹ Слова свт. Кирилла Иерусалимского.

² Слова прп. Серафима Саровского.

«Любящий вас священник Константин Аггеев»

Из писем будущего священномученика

Материал подготовила Анастасия Наконечная

150 лет на-
зад, 28
мая 1868
года, в селе

Лутово Богородицкого уезда Тульской губернии в крестьянской семье родился будущий протоиерей Константин Аггеев. Благодаря своим способностям и помощи местного священника Константин был принят в духовное училище, окончил Тульскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию. Служил в Польше, в Киеве, а с 1903 года – в Петербурге. Активный член Братства ревнителей церковного обновления, он стал инициатором важнейшего дела – объединения столичных учителей Закона Божьего для преподавания по-новому, без зубрёжки и схоластики. Отец Константин разработал программу, основанную на живом слове Евангелия и своей целью считал помочь ученикам узнать и полюбить живого Христа.

Мы публикуем выдержки из писем, которые в 1903–1905 годах писал отец Константин своему другу профессору Киевской духовной академии П.П. Кудрявцеву. Именно в эти годы созрел и обретал формы кружок 32-х петроградских священников, со

временем родившийся в Братство ревнителей церковного обновления. Однако помимо кружка отец Константин занимался самой разнообразной церковной деятельностью.

4 ноября 1903 г., Петербург. Во второй половине Смольного законоучителем состоит некто о. Егоров, почти мой сверстник по летам. Мы с ним как будто двойники по своим педагогическим взглядам. Видимся ежедневно и ведём нескончаемые беседы... Егоров втянул меня в свой интимный кружок, куда мы собираемся еженедельно для беседы. Главою нашего кружка состоит редкой учёности и ума человек Николай Петрович Аксаков, автор «Духа не угашайте» – удивительный знаток святоотеческой литературы, – личный друг Вл<адимира> Соловьева...

9 марта 1904 г., Петербург. Завяз я совсем в наши «собрания» и не жалею о том. В настоящее время у нас 12 «зал», где поочерёдно ведутся домашние беседы. «Счастливее меня на свете нет», – говорил Аркадий. Благодаря именно такой «звезде» своей я быстро занял в наших собраниях видное место, и около меня образовался,

думаю, наиболее симпатичный кружок молодых иереев и некоторых светских людей...

По понедельникам в «Русском Собрании» под председательством пресимпатичнейшего А.В. Васильева¹, человека духа Хомякова, открылся ряд вечеров – обмен мнений по вопросу о Церкви и интеллигенции.

А<фанасий> В<асильевич> просил меня принять участие: он был на моём маленьком докладе. На прошлой неделе и вчера я был и вчера произвёл немалый шум отсутствием, по твоему выражению, корректности – разумеется, в своей речи. Мы слышали от Соколова и Преображенского² множества сыскного характера обвинений против интеллигенции, – говорили они это против Тернавцева, бывшего тут же.

Вчера о. Михаил и я выступили с отповедным словом. Народу было очень много. Я выставил принцип – усердным апологетам Церкви нужно знать христианский принцип – не суди людей за то, что они не сделали, а благодари за то, что сделали. Задумались ли над этим наши обвинители?.. Одобрение получил немалое. А некоторые виды проявлений последнего особые даже:

¹ Афанасий Васильевич Васильев (1851–1929) – государственный и общественный деятель, публицист неославянофильского направления, член-учредитель и член совета Русского собрания; один из редакторов-издателей журнала «Русская беседа», в 1890–1893 гг. редактор журнала «Благовест».

² Павел Ильич Соколов – протоиерей, и. о. председателя Училищного совета при Св. Синоде, председатель издательской комиссии Совета. Иван Васильевич Преображенский – начальник III отдела канцелярии обер-прокурора Св. Синода.

проф. М<едики>Х<ирургической> Академии попросил позволения быть всей своей семьёй моими духовными детьми. У него умер духовник. И вот он ищет и нашёл...

В Русском Собрании есть дурные экземпляры, и слушаешь иногда дурную по тону чушь, но много слышишь и хорошего: привлечением более «свежих» элементов и можно, по мысли Васильева, освежать атмосферу.

17 октября 1904 г., Петербург. Моё посещение А.П. Рождественского, редактора «Ц<ерковного> В<естника>», было очень успешно. <...> Ал<ександр> П<етрович> нашёл во мне по своему редакторскому, как он выразился, чутью «полезного сотрудника» и просил меня войти в состав писателей передовых статей от имени Редакции. Этим статьям он придаёт большое значение и <не> хотел бы без них выпускать номера...

Открылись у нас очень знаменательные пастырские собрания с благословения М<итрополита> Антония и под предс<едательством> еп. Константина. Я предполагаю писать о них в «Руков<одстве> для с<ельских> п<астырей>». Первое собрание было посвящено вопросу – что такое приход? Был Папков. Кирилл [еп. Константин] предложил Горчакову, как непререкаемому авторитету, высказать своё *мнение*. Он начал: приход есть учреждение, установленное и т. д. Тут-то и пошёл раздел. О. Чельцов – молодой проф. Инжен<ерного училища> – заявил, что да, до сих пор это так, потому-то прихода у нас и нет: «“Учреждение” – самое слово показывает, что при таком определении всё дело в указании свыше, проще говоря – от начальства. Нет, приход, примерно, – братство, собравшееся для того-то...» Другой иерей указал на то, что ныне миряне совершенно

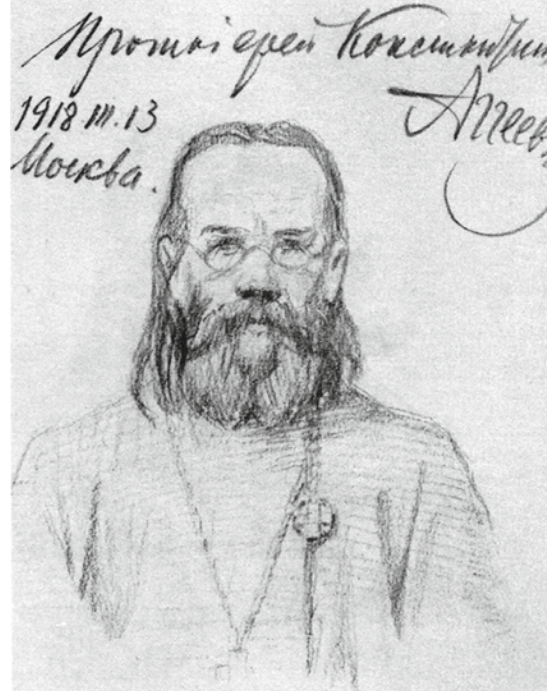
игнорируются в приходе, т. е. поддакнул Чельцову. Вывода определённого не сделали, несмотря на большинство сторонников современного «статус кво»...

Но какой совершенно новый тон речей даже и у нас! – Свобода мнений. – Мы созданы, чтобы откровенно высказывать свои мнения и т. п., – вот что не раз слышалось в зале заседаний.

27 января 1905 г., Петербург. Спешу, дорогой Пётр Павлович, перекинуться несколькими словами. Вопрос о свободе совести решён в утвердительном смысле. Полная свобода раскольникам и инославцам... Мы можем только радоваться такому освобождению церкви от вопиющей неправды... В каком смысле решён будет вопрос о свободе печати, ты уже знаешь из газет... Сегодня-завтра у нас непрерывные совещания частного пастырского кружка. На днях созывает Аксаков по вопросу о журнале и даже газете.

30 января 1905 г., Смольный. Сейчас только с лекции. Говорил о значении религии в жизни человека... Успех очень большой. Ожидал 20–30 человек; пришло свыше 300. Свободных мест не было. Проводили долго не смолкавшими восторженными аплодисментами. Ожидается, помимо личного тщеславия, что очень важно, – дальнейшее развитие дела. Я сказал ученикам, что всегда к их услугам. Были почти все директора и несколько учителей.

Вторая радость. Был у меня Неплюев. Меня не застал, но я виделся с ним на Христианском содружестве. Он идёт навстречу нашим мечтам о журнале. Даёт средства. 6-го февраля у него заседание пяти человек. Кроме меня будут – Петров, о. Михаил, Слобод-

ской, Егоров и Колачев. Я, вероятно, возьму роль одного из редакторов. В состав редакции без твоего предварительного разрешения ввожу и тебя, на манер Булгакова в «Вопросах Жизни».

8 февраля 1905 г., Петербург. Пишу тебе, дорогой Пётр Павлович, пока краткое письмо. 6-го было у нас маленькое заседание у Ник<олая> Ник<олаевича> Неплюева. Журнал почти решённое дело. В апреле Н<иколай> Н<иколаевич> окончательно даёт ответ. Предлагаем еженедельный в три печатных листа орган вроде бывшего «Ц<ерковно>-О<бщественного> вестника» под заглавием «Вера и жизнь». Ещё раньше нас Н<иколай> Н<иколаевич> думал начать издание органов своего Трудового братства. Теперь будет общий орган с отделом «Христианские организации – на Западе и у нас», в который Трудовое братство Ямпольское войдёт со своими изданиями...

Цель поездки Неплюева – организация христианских союзов на той или другой почве.

14-го Н<иколай> Н<иколаевич> читает, или лучше – беседует, у меня в кругу 30–40 слушателей, людей нашего кружка и будущих деятелей нашего содружества.

15 февраля 1905 г., Петербург. Дорогой Пётр Павлович!

Вчера совершилось важное событие, могущее отразиться большими последствиями. Мы были у митрополита³ в количестве 21 человека. Митрополит³ пригласил к беседе трёх викариев – Кирилла, Сергия и Антонина⁴. В виду важности дела постараюсь описать тебе протокольно.

Принимаем благословение. Среди нас ни одного протоиерея. «Все, – говорит Владыка, – молодые». Сели. Открываю по заранее составленному плану беседу я. «Ваше Высокопреосвященство!» 11 февраля мы – группа священников – просили нас принять. Ныне имеем честь предстать пред Вами. Считаю своим долгом сказать, что среди нас нет многих согласных с нами во взглядах: мы не собирали внушительного количества. Я лично, недавно служивший в двух других епархиях, свидетельствую, что и там немало лиц, которые готовы будут подписаться под нашими взглядами. Усердно просим: оцените наши пожелания не количеством или качеством лиц, представляющих их, а существом дела, внутренней истиной. Юны мы, как изволили Вы выразиться, и малы, но да совершится на сей раз хвала Богу, Высочайшей Правде – из малых и юных уст!»...

Вступает о. Слободской: – Мы не свободны. Синод наш – раб светской власти. По существующему узаконению – фактически подтверждаемому – постановления наших иерархов, не доложенные Государю обер-прокурором, остаются недействительными. Наш оглаворящий Церковный иерарх не имеет права доступа пред Государем. Такое ужасное положение Центрального Церковного Управления отражается тяжело на всей церковной жизни. Чего не коснись, во всём мы должны озира́ться на Литейный, где живет Обер-прокурор и его товарищ. В Комитете министров нашу цер-

ковь представляет не лицо священника, а мундир. И ныне, когда все винты нашей государственной жизни развинтились и когда мы накануне коренной реформы нашей государственной жизни, мысль наша – о церкви и её реформе. Кто же скажет о них? Просим собора все-русского. Пусть идея соборности прежде всего найдёт место там, где она издавна имела его... Вступаю я: «Великую рану нашей церкви составляет разрыв иерархов с иереями и мирянами. Епископы наши в деле управления церковного совершенно игнорируют нас. Разрыв этот простирается и на мирян. Просим Собора, но такого, какой был в древней церкви, где бы представлялась вся церковь...» Сам Митрополит³ говорит очень откровенно и совершенно по-братски. «В предстоящих занятиях особых совещаний предстоит рассуждение о реформе церкви. Я буду там. И благодаря вам многие вопросы шире и иначе освещаются у меня. Спасибо. Я совершенно благословляю ваши собрания... Нам нужно организоваться. Я прошу, хотя раз в месяц, собираться у меня для такой же совершенно откровенной беседы. Просим к тому же и наших викариев».

22 апреля 1905 г., Петербург. Вчера, дорогой Пётр Павлович, просидели вчетвером над редакцией второй нашей записки о составе собора... Центр тяжести – Слово Божие и Церковная История. О канонах ни разу не упомянуто...

Современные условия жизни – епископ не ограничен: он не выборный и по статистике (ужасная) некоторые в 10 лет меняли 7 епископов!.. Итак, созвание собора из одних епископов грозит расколом Церкви, и такие соборы останутся лишь съездами...

9 мая 1905 г., Петербург. На днях пойду благодарить Ми-

трополита за крест, данный мне, конечно, по его инициативе. К слову: он наградил вне очереди даже всех главарей кружка – Лохостского, Слободского, Чельцова, Егорова – скуфьей раньше меня.

10 мая 1905 г., Петербург. Сегодня готовлю... доклад о неотложных нуждах наших для передачи в Царское Село... Передаю и обе наши записки. В докладе ставлю вопрос о необходимости немедленной организации союзов православия, объединённых между собою свободой сношений. Прошу только о том, чтобы оставлена была мысль о таких союзах, председателями которых делается начальство: из этого, пишу, ничего не выйдет. Что вышло из пастырских собраний в Петербурге и Киеве, кроме траты времени?

Нужны свободные организации священников и мирян. Пишу далее о неотложной необходимости широкой литературной деятельности в противовес атеистической пропаганде. Всякие ограничения нас в этом отношении послужат только ко вреду Церкви...

14 ноября. Вопрос о журнале, которому мы даём новое название «Свобода и Религия», окончательно решён положительно... Первый № выйдет в самых первых числах декабря. На днях печатается проспект органа и будет опубликован в самых широких размерах. Объявление начинается: «Свобода и Религия» (Орган христианского возрождения и христианской политики. В редакции принимают участие А.В. Карташёв, священник К. Аггеев и проф. С.Н. Булгаков). Сергей Николаевич настоял на этом: «Теперь нужно открыто выставить единение духовенства и интеллигенции – того требует исторический момент» (Какая вера глубокая у Сергея Николаевича!). Нам всем бы такую! Кн. Е. Трубецкой

³ Митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский).

⁴ Речь идёт о епископе Гдовском Кирилле (Смирнове; 1863–1937),

епископе Ямбургском Сергии (Страгородском; 1867–1944),

епископе Нарвском Антонине (Грановском; 1865–1927).

присылает статью для первого №: «Памяти Вл. С. Соловьева». Разве с такими людьми нельзя дела сделать!..

7 декабря 1905 г., Смольный. Сообщаю горькую весть: журнал наш пока не увидит света. Сытин, по его словам, почти банкрот...

Вот уже несколько дней нахожусь под впечатлением несколько новой общественной работы. Я писал тебе, что я время от времени ходил в близлежащую фабрику беседовать в обществе трезвости. Аудитор<ия> человек в 500. Вся фабрика 12 000 человек. И всегда удивительно удовлетворённое состояние выносишь оттуда...

Отцы Чельцов, Рудинский, я, Фомин, Егоров открыли «митинги» с народом в другом пункте в центре Сенного базара. Там есть дом Трудолюбия, который предложила нам Дума. Прекрасный зал. Вчера был второй опыт. Могли придти те же, Чельцов и я. Сначала говорил Чельцов – о Евангелии> блаженствах. Затем я о богатстве и бедности применительно к Евангельскому чтению прошлого воскресения. В перерывах общее пение. Затем предложил самим слушателям – большинство рабочие – выйти на кафедру. Нашлись, и началась беседа. И о духовенстве, и о пьянстве. Удивительно хорошо прошло. Было около 300 человек. А в следующее воскресенье придёт вдвое больше. Нам еле позволили окончить беседу.

24 февраля 1906 г., Петербург. Дело наших бесед в доме Трудолюбия разрастается до грандиозных размеров. Большая зала битком набита народом, полна и лестница. Писал ли я тебе, что мы открыли в том же доме Воскресную школу? Заведующим состою я, а моими сотрудниками – бывшие ученицы.

27 февраля 1906 г. Вчера утешили меня рабочие с Московской

Церковь Александра Невского при Смольном институте, где служил о. Константин Аггеев. Закрыта в 1917 году. Ныне здание занято администрацией Петербурга, в помещении, разделённом межэтажными перекрытиями, размещена библиотека

заставы. Некоторые из них ходят к нам на беседы – это за 4–5 версты. И главный из них сообщает, что заводчики и рабочие собрали немедленно 3500 подписей о назначении меня к ним настоятелем в виду предложенного Митрополитом Антонием ухода теперешнего настоятеля за полную бездеятельность. Район рабочий огромный. Я просил прекратить подписку, благодарил и обещал работу у них (организацию чтений, школ и бесед). Убеждаю настоятелем идти Чельцова. С осени придётся свою армию направлять туда. Они сняли большой зал, открываются приюты и другие благодетельные учреждения. А директор сегодня говорил, что его жена хотела бы вместе со мною в районе нашей гимназии заняться делом народного просвещения.

17 марта 1906 г., Петербург Васильевский Остров. 6 линия. 15. Дорогой Пётр Павлович! Живу как в раю: точно первые годы священства. Сейчас из церкви после исповеди. Было 100 человек. Утренняя служба, вечерняя – похвала Богородице и исповедь, – и ни малейшей усталости. Спать не хочется, решил написать тебе несколько строк. Прихожане начинают «лнуть» ко мне. Как мало нужно для этого. Пришлись

больше по сердцу – мои проповеди и, может быть, больше всего говоримые неопустительно пред исповедью. Во время исповеди не раз узнал, что действительны они – и это на интеллигенцию.

***

К сожалению, не сохранились личные письма о. Константина после 1907 года. Известно, что он был членом Предсоборного присутствия, участником Поместного собора 1917–1918 гг. (на общих заседаниях второй сессии собора он был одним из докладчиков Отдела о духовно-учебных заведениях). В 1919 году он получил увольнение из Петроградской епархии, переехал на юг России. Из расстрельных списков известно, что 6 января 1921 года (24 декабря 1920 года) в навечерие праздника Рождества Христова, в возрасте 53 лет отец Константин вместе со своим 23-летним сыном был расстрелян большевиками.

КФ

Фрагменты писем о. Константина Аггеева приводятся по изданию «Братство ревнителей церковного обновления (группа "32-х" петербургских священников, 1903–1907): Документальная история и культурный контекст»

Мы верим в то, что Россия возродится, что возродится русский народ

«Кифа» продолжает публиковать материалы, рассказывающие о «Русских беседах»: фрагмент первой из них, проходившей в октябре 2016 года...

Священник **Георгий Кочетков:** Мы не умеем жить по-русски, мы не знаем русской традиции, мы с трудом говорим по-русски, мы не узнаём русского ни в себе, ни в других, что бы ни было написано у нас в паспорте или какой-то другой метрике в графе «национальность». И в этом-то, собственно, проблема и заключается. России, как таковой, по меньшей мере полвека уже нет. Она как-то доживала в конвульсиях свою историю здесь, на этой территории, первые десятилетия после 1917 года, но потом скончалась, и это связано со всем советским режимом, со всей его деятельностью. По моему глубокому убеждению, советская власть была ярким противником России, православия, русского народа в целом, особенно великорусского. Поэтому мы перестали себя осознавать как великороссы. Если малороссы в качестве неких украинцев себя ещё хоть как-то осознают, если белорусы тоже стараются здесь что-то придумать на свой счёт, то великороссы этого совершенно не делают. И способны ли это делать – большой вопрос. И вообще большой вопрос: может ли наш народ организовать себя как русский народ после всего того, что произошло в последние 100 лет?

Да, мы можем вспомнить что-то, что связано с нашими корнями, что связано с почвой для того, чтобы возродить это в лучшей своей части, а потом продолжить, развить, не возвраща-

ясь механически назад. Но при этом у меня нет никаких надежд на *возвращение* старой России, у меня нет никаких надежд на *возвращение* старого русского народа, потому что ни того, ни другого уже давно в природе не существует. И все мы очень условно русские – те, у кого в анкете написано «русский». Поэтому я так ценю даже малейшие крупинки подлинности, сохранившиеся из той старой истории, из русской страны любого периода: княжеского, царского, имперского. Для меня драгоценны русские храмы и русские усадьбы, русские картины, и русская музыка, и русская литература, и всё, в чём я могу узнать остатки, осколки старой России и старого русского народа.

Всё, что можно поставить на своё место из старой жизни, надо ставить на своё место. Потому что почти ничто на своём месте у нас до сих пор не стоит, даже если что-то сохранилось, а не было уничтожено, принципиально извращено и развращено.

Это совсем не мешает трезвости, пониманию того, что всё это было не идеально. Но оно к чему-то стремилось и могло выйти на какой-то принципиально новый уровень. Хотя это действительно могло случиться: в начале XX века в России равно развивалось созидательное, уникальное, гениальное – и практически с той же вероятностью осуществления до 1917 года нечто прямо противоположное. Увы, победило второе, хотя вполне

могло победить первое, лучшее. Но это отдельный вопрос: почему случилось то, что случилось, и почему Русскую Катастрофу, Русский Холокост, полное уничтожение страны и народа не удалось преодолеть и предотвратить. Поэтому вопрос «Кто мы?», сегодня заданный нам всем, – очень несправедливый вопрос.

Вот почему мне представляется чрезвычайно важным выделить именно специфику русской культуры, русской истории и русского народа. Не просто для того, чтобы поставить достойный памятник России и русскому народу на их могиле, хотя это тоже можно было бы сделать, и это было бы достойно, но для того, чтобы нам иметь перспективу жизни здесь, именно здесь, чтобы нам чувствовать себя действительно наследниками прошлого. Да, мы не наследуем прямо как дети от родителей, потом их дети от своих родителей и так далее, да, бывает иногда на свете и другое: наследниками становятся люди, которые не являются прямыми потомками прежних владельцев тех или иных качеств и ценностей. Мы не прямые потомки, и по-моему, это надо хорошо осознать. Но мы можем быть наследниками – достойными наследниками, будучи живыми и свободными людьми, обитающими на русской земле и отвечающими за её прошлое, настоящее и будущее, будучи в этом смысле настоящими русскими людьми, хотя и в новом значении этого слова.

...и комментарий священника
Георгия Кочеткова, записанный через
полтора года после начала
«Русских бесед»

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Отец Георгий, мне кажется, не совсем справедливо говорить о том, что мы не прямые наследники русской культуры. Это можно сказать, скажем, об итальянцах, живущих географически на месте Римской империи, но не в большей степени являющихся наследниками римлян, чем все другие европейцы, в том числе и мы (потому что и наше законодательство основано на римском праве и т. д.) Но наша связь со старой Россией более прямая.

Это большой вопрос. Рим разрушило нашествие варваров в ходе Великого переселения народов. Но в Италии есть люди, которые до сих пор помнят, что их римские корни уходят в глубину истории. Они носят соответствующие имена и фамилии и помнят своих очень давних предков. Однако большинство итальянцев – совсем другие.

То же самое и у нас: есть небольшое количество людей, которые помнят свои корни, носят старинные имена и фамилии и являются носителями духа и культуры той подлинной России, которая жила до Русской Катастрофы 1917 года. Но большинство людей совсем другие – переселенцы, пришельцы. Они могут по паспорту или по самосознанию быть русскими или не русскими, но они носители совершенно другого духа, другого опыта и другой культуры – слишком другой. И таких стало большинство во всех наших крупных городах. А наши сёла уже все разложились или вымерли, или были уничтожены в советское время, поэтому природного сельского населения у нас почти нет. В малых городах преемственного населения тоже осталось очень немного. Поэтому мы находимся в ситуации, по-моему, в каком-то смысле аналогичной древней Римской империи.

Вы описываете ситуацию трагическую, и это описание для многих людей оказывается просто шокирующим. Оно ранит их в самое сердце, и поэтому они не могут согласиться с Вами. На что Вы надеялись, начиная «Русские беседы», если народа больше нет, страны больше нет, непонятно, что ещё можно собрать и что получится из этого собрания? Каков был Ваш замысел?

Дом Вяземских в Остафьево под Москвой

Надо было проверить, получится что-то или не получится, раз уж мы говорим в таких глобальных категориях – что нет народа, страны, культуры, преемственности, старой традиционной духовности, русской и российской... К слову, до революции «русский» и «российский» были полными синонимами, это сейчас у нас всё разошлось по понятным причинам, хотя даже в советское время иногда было и то, и другое понятие, и то, и другое слово. Они оба были в каком-то смысле под запретом. Нельзя было глубоко и всерьёз говорить что бы то ни было положительное о России, о русском народе, о русской истории и о русской церкви. Это хорошо известно по личному опыту всем нам.

Так вот, мы как раз и затевали «Русские беседы» для того, чтобы посмотреть, соберём ли мы кого-нибудь. И оказалось, что такие люди есть, хотя их и немного.

И ещё есть память: мы помним свои встречи с теми людьми, которых можно назвать подлинно русскими. Многие из них сегодня в очень преклонном возрасте, чуть ли не девяностолетнем, столетнем, а кому-то из тех людей, которые всё это в себе пронесли, даже больше ста лет. Кто-то уже завершил свой жизненный путь, но оставил после себя серьёзный след в наших душах. Можно вспомнить, например, Сергея Сергеевича Аверинцева, знаменитого академика, замечательного человека, который осознавал себя именно очень коренным русским человеком. И его мировая всемирная отзывчивость была для него исполнением русского призвания. Но и заинтересованность в возрождении страны и церкви у него была. Поэтому он не эмигрировал, даже когда оказался в трудных условиях. Он принципиально не хотел уезжать из нашей страны, и даже когда работал за границей, не жил там постоянно, и как только мог, приезжал домой в Москву.

На фотографиях конца XIX — начала XX века мы можем увидеть, какими были представители уничтоженных в России сословий. На иллюстрациях слева направо: семья Трубецких; крестьянские дети (начало XX века); И.Н. Мамонтов и В.Д. Синицын в семейном кругу

«Русские беседы» были для нас возможностью лучше разобраться в собственных корнях. Сейчас всё запуталось, всё как-то обрублено, испачкано, осквернено, поругано. Нам надо было посмотреть: а есть ли остатки какой-то жизни? Есть ли вообще сейчас русская жизнь? Может ли она возродиться или уже совсем нечего возродить? Оказалось, что может, и есть, что возродить. Другое дело, что для этого должна прийти какая-то новая сила, которая осознает себя действительно наследником русской традиции, русской истории, русской духовности и культуры. Тогда это не будет просто эксплуатацией прежних достижений русского народа и русской культуры, а будет действительно процессом их наследования, развития, ответственного использования и распространения.

Эти полтора года нам показали, что людям это важно и интересно. Да, получается довольно узкий круг. Но сразу видно, что он совершенно не закрыт. Он прозрачный, открытый, и за каждым человеком стоит ещё какой-то круг. Люди были слишком изуродованы, исковерканы, как и вся Россия, они прошли через такой геноцид, такой террор, которого не знала вся человеческая история. И конечно, они не спешат доверять никому, даже друг другу, не спешат объединяться каким бы то ни было образом, даже чисто духовным. Однако это происходит, потому что даже когда нет полноты доверия, есть тяга к нему, есть желание обрести большее. Ведь люди чувствуют, что в этом есть проблема, что нельзя строить будущее, пока не будет у нас любви и доверия друг к другу, пока мы не поймём, что наш родной дом до сих пор горит. Он в большой

степени уже сгорел, но всё-таки что-то ещё горит, а что-то ещё сохранилось, и надо уберечь хотя бы эти остатки для того, чтобы осознать себя в настоящем и обрести подлинное будущее. Вот это для нас было очень важным.

Мы брали в «Русских беседах» самые горячие, самые актуальные темы и удивительно быстро, и очень мирно, и, я бы даже сказал, благодатно приходили к определённым выводам. У нас не было никогда никаких ссор, никакого неуважения друг к другу, хотя там были и есть самые разные люди: и верующие, и неверующие, и православные, и неправославные, потомки аристократов из самых звучных и славных русских фамилий и в то же время люди простые, и люди учёные, и люди, которые трудятся совершенно на другом поприще, люди разных возрастов и положений, — но, тем не менее, вот это удивительное мирное единство, с которым мы вдруг столкнулись, для нас оказалось радостным откровением и надеждой на будущее.

Как Вы думаете, если такие беседы появятся в других городах, может быть, у них будут даже более глубокие перспективы? С одной стороны, люди пассионарные «вымываются» из малых городов своим стремлением в столицу. Но, может быть, городам, пусть достаточно крупным, но по сравнению с Москвой не гигантским, как раз присуща большая устойчивость, приверженность традициям?

Поживём — увидим. Но я думаю, что мы найдём людей, достойных быть приглашёнными на «Рус-

Мне представляется чрезвычайно важным выделить именно специфику русской культуры, русской истории и русского народа. Не просто для того, чтобы поставить достойный памятник России и русскому народу на их могиле, хотя это тоже можно было бы сделать, и это было бы достойно, но для того, чтобы нам иметь перспективу жизни здесь, именно здесь, чтобы нам чувствовать себя действительно наследниками прошлого.

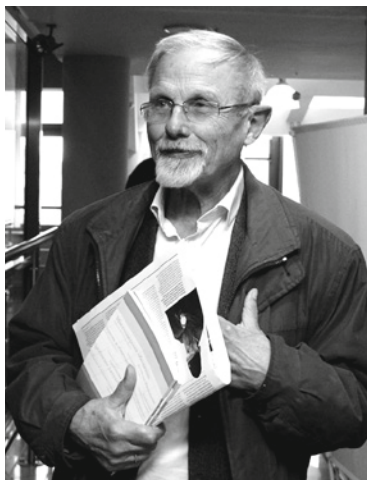
ские беседы» во многих местах, в первую очередь в крупнейших городах, но, может быть, и не только в них. Надо смотреть, надо думать. Я не знаю, что будет через несколько лет с этим движением. Но мы обращаемся ко всем, кто хочет возрождения всему народу, а не только жителям столицы. И мы хотим увидеть перспективу национальной жизни в нашей стране, понять, где здесь могут быть живые корни, отделить пшеницу от плевел, потому что и русская история, как история любого великого народа, была неоднозначной: конечно, были и страницы темные, но было и много светлого и славного, и вполне христианского.

Мы, конечно, думаем не только о русских людях. Но мы должны в первую очередь думать о русских, о великороссах, потому что мы живем в России, в русской стране. Мы готовы думать и о людях не русских, давая им возможность почувствовать себя равноправно и достойно в нашей возрожденной стране, и это очень важно. Сейчас все люди разделены, они имеют множество всяких претензий друг ко другу, часто рожденных в советские времена. Плюс ко всему мы, к сожалению, часто сталкиваемся с тем, что русское и советское не противопоставляется (что было бы вполне естественно), а наоборот, отождествляется (что совершенно неестественно). Это тоже мешает восстановлению нормальных отношений. Люди проходили через советский агитпроп, через советскую школу, которая постоянно искажала действительность и обманывала людей и, к сожалению, пока ничего другого им всерьез не предложено. Это тоже проблема. Но я надеюсь на то, что если показать добрый пример,

найдутся люди, которые смогут объединять именно русские силы, тех, кто хочет жить на русской земле и отвечать за прошлое, настоящее и будущее России и русского народа. Мы найдём этих людей в разных местах, и они тоже внесут свой вклад в великое дело духовного возрождения, как церковного, так и общенародного. Конечно, среди народа всегда будут не только церковные люди, и хотя основное наше упование на Господа Бога и на истинно и искренно верующих людей, всё-таки и все «добрые самаряне», как в таких случаях говорил Николай Николаевич Неплюев, тоже должны быть объединены этой любовью и верой, действующей любовью. И я уверен, что такие люди, желающие блага народу и стране, стремящиеся думать о прошлом, настоящем и будущем нашей страны, нашего народа и чувствовать себя именно наследниками всего лучшего и самого светлого и перспективного в нашей истории, будут. Да, пока ещё говорить об этом рано, но я знаю, что опыт «Русских бесед» уже для многих стал потрясающим опытом удивительной силы и ясности, и люди разных убеждений, приходя к нам на «Русские беседы», говорили, что они здесь нашли настоящую Россию. Для нас это большое и серьёзное ободрение, оно неожиданно и, конечно, очень важно. За это слава Богу! Мы верим в то, что Россия возродится, что возродится русский народ и снова будет, делая выводы из собственных грехов и ошибок, помогать другим людям и вносить свой вклад в общечеловеческую культуру, цивилизацию, в сокровищницу духа и творчества. Я уверен, что это будет именно так! КФ

Братский помянник

**7 мая 2016 года ото-
шёл ко Господу Никита
Алексеевич Струве.**

Выдающийся деятель русского зарубежья, он был бессменным редактором лучшего из церковно-общественных журналов эмиграции — «Вестника РХД» и главой издательства «ИМКА-Пресс», благодаря которому увидели свет книги Александра Солженицына, отца Сергия Булгакова и Николая Бердяева, отцов Александра Шмемана и Николая Афанасьева и многих других русских мыслителей и писателей. В 1960-е — 1970-е годы он установил связи с верующей молодежью в СССР — «потаенное, но деятельное письменное общение». «Вестник» стал публиковать статьи авторов «из-за железного занавеса» (конечно, под псевдонимами). Из этого же общения родилась книга, посвященная положению верующих в СССР, — «Les chrétiens en URSS», вышедшая в Париже в 1963 году, во время хрущёвских гонений.

После отмены антицерковных законов он не только от-

крыл в Москве издательство «Русский путь», но и начал совершать постоянные поездки по самым разным городам России — с лекциями, с грузом книг для местных библиотек. Ему было очень важно передать все то богатство, которое успела накопить жившая в условиях небывалой свободы от государственного гнёта русская эмиграция. Именно с этим стремлением успеть передать наследство он обращался и к членам Преображенского братства. В одном из разговоров он так и сказал: «Вы пришли без четверти двенадцать... Хорошо, что не опоздали».

**18 мая 1847 года скон-
чался архимандрит
Макарий (Глухарёв).**

Выдающийся миссионер Русской православной церкви, переводчик библейских текстов на русский язык, ученик митрополита Филарета (Дроздова), он блестяще

окончил Санкт-Петербургскую духовную академию и вскоре принял монашество. Отец Макарий считал необходимым реформировать миссионерскую деятельность в России и в 1829 году подал прошение о переводе его в Сибирь и «употреблении» на дело миссии. Вскоре была открыта Алтайская духовная миссия с центром в городе Бийске.

Вместе с двумя помощниками — воспитанниками духовной семинарии Алексеем Волковым и Василием Поповым они основали братство. Один из пунктов братского устава гласил: «Желаем, да будет у нас всё общее: деньги, пища, одяние, книги и прочие вещи, и сия мера да будет для нас удобной в стремлении к единодушию».

Богатый миссионерский опыт привёл архимандрита Макария к необходимости использования и русского языка в деле христианского обращения и воцерковления. Его настойчивые просьбы об издании русских переводов Писания в конечном счете подвели его под епитимью, «чтобы молитвой с поклонами он очистил свою совесть».

В 1844 году архимандрит Макарий был освобождён от миссионерской работы и получил направление в Болховский Троицкий Оптин монастырь Орловской епархии. Однако и здесь святой продолжал миссионерствовать. Православную российскую провинцию он нашёл в не меньшей степени нуждающейся в религиозном просвещении, чем Алтай: оказалось, что даже городской голова не знал Символа веры.

**30 мая 1989 года скон-
чался архиепископ
Иоанн (в миру — князь
Дмитрий Алексеевич
Шаховской).**

Шестнадцатилетним юношей будущий архиепископ сражался в Белой армии. В эмиграции выбрал путь церковного служения. С 1947 года был ректором Свято-Владимирской духовной семинарии. На протяжении сорока лет вёл на радиостанции «Голос Америки» еженедельную передачу «Беседы с русским народом». Одна из любимых его мыслей — «мысль о «белом иночестве» как об общехристианском состоянии в наше время распада мирской христианской культуры». «В этом движении веры и воли, — писал он, — воплощается моя давнишняя заветная мысль о строительстве подлинной Православной Культуры. Ибо начать надо с пламенного очищения своего «внутреннего человека», с целостного освобождения себя от всех давлений атмосферы «мира сего». И это всё прекрасно можно осуществить у того же рабочего станка, у той же иглы, у того же магазинного прилавка».

«Гонения совершаются планомерно, по какой-то команде»

Обзор подготовила Александра Колымагина

Вторая сессия Поместного собора 1917–1918 гг., проходившая с 20 января по 7 (20) апреля 1918 года, рассматривала вопросы, относящиеся к епархиальному управлению, приходской жизни и устройству единоверческих приходов, а также вопросы духовного образования. Однако поневоле на одно из первых мест вышел вопрос о гонениях.

Гонения разрастаются

22 января Собор обсудил воззвание патриарха Тихона и принял постановление с одобрением воззвания и призывом к Церкви «объединиться ныне вокруг Патриарха, дабы не дать на поругание веры нашей». 25 января, после взятия Киева большевиками был убит митрополит Киевский Владимир. В тот же день Собор принял резолюцию, которой патриарху поручалось назвать имена трёх лиц, которые могли бы стать патриаршими местоблюстителями в случае его смерти до выборов нового патриарха; имена должны были держаться в тайне и быть оглашены в случае невозможности для патриарха исполнять свои обязанности...

Всего через два месяца, 29 марта (11 апреля) докладчик Комиссии о гонениях протоиерей П.Н. Лахостский говорил на заседании Собора: «Гонения совершаются планомерно, по какой-то команде, с известною постепенностью. Сначала отнимаются средства оповещения о деятельности Собора, отнимаются типографии – синодальные и провинциальные (епархиальные), потом начинается грозный натиск на

обитатели, попытка овладеть ими, начиная с Александро-Невской Лавры. Великая заслуга, скажу – подвиг, тех, кто защитил эти святыни. Затем начинается реквизиция и монастырского имущества, денег, зданий, хуторов, земли, архиерейских домов, иногда со всем их имуществом и инвентарём, как в Симбирске и в Твери. Далее идёт реквизиция духовно-учебных заведений, свечных заводов и консисторий, и одновременно происходят аресты лиц, которые часто виновны лишь в том, что в момент реквизиции находятся на месте службы, и, кажется, что эти аресты производятся для устрашения тех, которые поставлены стражами церковного достояния. Наконец, совершаются убийства, жестокие, зверские, совершенно бессмысленные, большею частью без предъявления обвинения, иногда по ошибке вместо назначенного убивают другого. Может быть, и убийства совершаются для устрашения остающихся в живых защитников Церкви. Уже известно о мученической кончине митрополита Владимира, протоиереев Кочурова и Скипетрова, священника Волоцкого. Я могу сказать о страшном потрясающем душу убийстве 14 февраля в городе Елабуге, Вятской епархии, протоиерея Павла Александровича Дернова с тремя сыновьями. Сначала красногвардейцы вывели за город и расстреляли отца, а потом там же были расстреляны сыновья, лишь за то, что один из них, услышав о мученической кончине отца, назвал красногвардейцев душегубами. Матрос привязался к этому слову, и все трое были расстреляны. Не выдавали

жене и оставшемуся сыну трупов убитых, потом трудно было достать гробы. Представьте себе эту ужасную картину: в доме на столе лежат четыре члена семьи, изуродованные зверскими руками, для семьи – главные кормильцы. В Новгороде, в Устюженском уезде, расстрелян священник Павел Кушников, смертельно ранен и вскоре скончался игумен Гервасий, настоятель Брянского Успенского Свенского монастыря; смертельно ранен вблизи Каширы, Тульской епархии, священник села Мартемьянова Пётр Покрывалов, живший потом около суток; зверски убит священник села Ближнего Ильинского, Орловской епархии Болховского уезда, Феодор Афанасьев; убиты иеромонах Герасим и послушник Антоний в Кобинском монастыре, в Грузинском Экзархате; убит священник Елисаветпольской епархии Казанский; убиты в городе Солигаличе соборный протоиерей Иоасаф Смирнов, монастырский священник Владимир Ильинский, монастырский диакон Иоанн Касторский, смотритель Духовного училища И.П. Перебаскин. В городе Переславле-Залесском убит священник Константин Снятиновский. Но эта скорбная летопись чрезвычайно неполна: почти каждый день поступают сведения о новых убийствах».

При обсуждении доклада во многих выступлениях звучала растерянность:

«Мы вот теперь скоро разъезжаемся и будем говорить и проповедывать на местах; если печать не будет поддерживать нас, то нас по-прежнему будут гнать так же, как гнали. Я – пред-

ставитель Курской епархии, и мы слышали, как арестовывали у нас одного священника за прочтение Патриаршего послания, а другого за то, что у него на голубой (кадетской) ленте висела лампада перед божницей в доме. Гонения идут всюду. Беда, если Священный Собор не станет на защиту Православной веры и Церкви Христовой, на защиту православного народа» (Т.Г. Суринов). «Конечно важно, чтобы вся пресса громко порицала захватчиков, но на деле это неосуществимо: нам не позволяют печатать даже Деяния Священного Собора. Если, угрожают, найдётся хотя бы клочок Патриаршего послания, владелец его немедленно будет расстрелян, голос прессы церковной ничего сделать не может, однако, кое-что, думается мне, сделать всё же возможно» (Н.Н. Медведков).

Неудивительно, что второй докладчик комиссии о гонениях, Г.И. Булгаков, вынужден был признать: «И соборное воззвание, и анафема Патриарха – всё это не достигало намеченных целей потому, что страдало нерешительным тоном, неопределённым содержанием и уходило в пространство, что, несомненно, подтвердит и большая часть присутствующих здесь».

Многие соборяне оказались не

готовы ответить на быстро изменяющиеся обстоятельства неслучайно: им трудно было поверить, что не только чужие люди (в ходе обсуждения дискутируется предложение обратиться к раввину с требованием «унять» значительную часть руководителей правительства и деятелей гонений*) но и, казалось бы, «свои» часто оказываются не только среди защитников, но и среди гонителей церкви.

О православном народе
Протоиерей П.Н. Лахостский задаёт соборянам вопрос: «Верим ли мы, имеем ли право и теперь, после того, что произошло и происходит, верить и утверждать, что православный народ наш верит в Бога, что он не безбожник-социалист, а остаётся верным своей Церкви?» И отвечает: «Да, мы верим в народ и имеем право так утверждать. Народ наш во многих местах, начиная с Петроградской Александро-Невской Лавры, отстоял и отстаивает свои святыни, притом отстаивает против разбойников, вооружённых с ног до головы, отстаивает без всякого оружия, с голыми руками, принося из своей среды кровавые жертвы и выражая готовность и впредь приносить их. Значит, народ является по местам грабителем

потому, что он действует не сам по себе. Он действует в насильно напяленной на него духовной маске, которую нужно помочь ему с себя сорвать и бросить с отвращением в сторону. Нужно всеми силами и способами разоблачать эту постыдную, скрывающую подлинный народный лик маску».

В то же время он только что зачитывал письмо архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана, где рассказывалось, как престарелого владыку вели после ареста по городу: «Меня повели с вокзала до атаманского дворца пешком в сопровождении тех же матросов и огромной толпы народа, из которой многие, потерявшие страх Божий, забывшие Бога, злорадствовали, ругали меня скверными словами и всячески поносили меня. Я, идя с вокзала на гору по грязной дороге, страшно утомился и обессилел. Сопровождавшие меня заметили моё изнеможение, и один из них с насмешкой сказал: “Может быть, отдохнёшь?” – “Если можно, то отдохнул бы. Но где же сесть?” – “Вот и садись прямо на дорогу”. “Я не могу садиться в грязь”, – возразил я, измученный физически и нравственно. Матрос грубо сказал: “Ты, буржуй, привык в креслах сидеть? Не хочешь на землю садиться, так иди”. На пути встретились скамейка, и я минуты две посидел, а затем пошёл дальше. Толпа народа всё возрастала, а вместе увеличивались и ругательства в мой адрес. Одни плевали на меня, другие осыпали скверною бранью, делали всё, чтобы унижить и оскорбить меня. Но не вся толпа состояла из таких врагов и ругателей моего достоинства; многие скорбели, плакали, сожалели обо мне, но не могли ничем мне помочь». Не может докладчик

* При этом пока ещё почти никто не понимает, что те, кого они просят унять, не входят в «юрисдикцию» раввина. Известен эпизод с визитом к Троцкому московского раввина Я. Мазе, просившего прекратить продрозверстки и продналоги, но ничего

не добившегося. Ничуть не повлияло на происходящее и то, что в мае 1918 года съезд раввинов Украины, собравшихся в Одессе, провозгласил проклятие советской власти и предал анафеме Троцкого, Зиновьева и прочих видных большевиков-евреев.

не признать и другого скорбного факта: «Нельзя также во имя правды умолчать, что есть предатели и пособники гонения на Церковь – из своей же духовной среды. Здесь уже было сказано одним уважаемым и правдивым архипастырем, что есть и архиереи – заодно с большевиками-гонителями, и священники, и диаконы с псаломщиками, даже из выбранных в епархиальные советы и в члены консисторий. Некоторые из них стоят едва ли не во главе местных советских организаций и комиссарских начальств. Но это предмет рассуждений для особой комиссии, названной у нас коротко “Комиссией о церковном большевизме”».

Свидетельства соборян, прозвучавшие в ответ, отражают их растерянность: «Ведь кто был собирателем Земли Русской? Православный народ, составляющий Церковь. Церковь спасала веру Христову во все времена, она спасёт народ и его веру и теперь, выведет православный народ из гибели. Я хотел бы, чтобы Собор сказал от себя: “Личность проповедников неприкосновенна, они – представители Христа, не бегайте за ними, не преследуйте разъярённую толпою”. В Курске меня хотели растерзать на площади, и лишь только Господь Бог спас от неминуемой смерти» (Т.Г. Суринов).

Это же ощущение неопределённости границ церкви остаётся и при обсуждении приходского устава: с одной стороны, докладчик П.И. Астров говорит: «вся самостоятельность прихода, доселе неизвестная, принимается в настоящее время, чтобы поставить прихожан в непосредственную связь с храмом, чтобы сделать их ответственными и самостоятельными, чтобы обезопасить храм от посягательства на него, чтобы около храма сгруппировать прихожан, чтобы обезопасить храмы

от мысли, что они принадлежат всему народу. Таким образом, устав идёт навстречу и безопасности храма, и самостоятельности прихода». С другой – высказывает тяжёлые опасения: «Теперь ни за что ручаться нельзя – даже за себя самого. Ныне человек идёт за крестным ходом, а завтра тот же самый идёт расстреливать ход» (обсуждение статьи 121 положения о приходе).

Эти опасения (вызванные не только гонениями, но и продолжавшейся весь 1917 год «приходской революцией», во многих местах приведшей к плачевным для церковной жизни результатам – так происходило везде, где в вопросы выбора священства вмешивалась безответственная толпа, оттеснявшая действительно верующих и ответственных членов прихода) отразились в конечном счёте на гораздо более жёстких, чем это ранее планировалось, формулировках приходского устава.

Так где же границы?

Вопрос о границах церкви не был поставлен на Соборе. Ситуация, которая для многих выглядела как превращение в целом церковного, верующего народа в распадающийся организм, часть которого представляла собой гонимую церковь – действительно верующих и верных архиереев, священнослужителей и мирян, вторая часть – равнодушных зрителей, а третья – гонителей и их пособников, так и не была отрефлексирована.

Среди самых страшных гонителей церкви оказались не только люди, формально ей чужие, но и те, кто, как Владимир Ульянов (псевдоним «Ленин»), получали когда-то отличные оценки по Закону Божию, или даже, как Иосиф Джугашвили (псевдоним «Сталин»), окончили четыре класса семинарии. Однако говорить об

Для участников Поместного собора такие сцены по всей стране и уже не отдельные убийства священнослужителей, а фактическое уничтожение духовенства как сословия и гибель сотен тысяч верных церкви мирян – время пока ещё неизвестного им будущего...

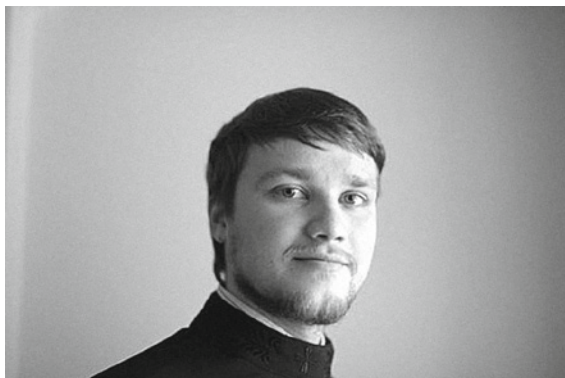
этом очень скоро стало невозможным (впрочем, уже на второй сессии Собора, весной 1918 года, мы видим предвестники грядущей боязливости: «Т.Г. Суринов: ...Конечно, христианство ничего общего не имеет ни с капитализмом, ни с современным социализмом. Но как скоро заговорили здесь о том, кто гонит Церковь Христову, то останавливаться в деле совершенно напрасно, должно запомнить это. Я должен прочитать здесь фамилии этих лиц, кто именно начал гонения: Ленин (Ульянов)... Председательствующий. Можете не читать, а раздать это членам Собора, тем более, что это было мною запрещено. Ваш срок уже истёк. Это неприлично. Архимандрит Матфей. Страх и трепет пред фамилиями, оглашение которых запрещается, свидетельствует о том, в каком страхе... Председательствующий. Не страх и трепет, я этого не говорю; это – неприличная выходка».)

Не закончен разговор о границах церкви и сегодня, век спустя. Как и многие темы, начавшие звучать на соборе, эта тоже требует продолжения... **КФ**

Требуется общение, чтобы объяснить, в чём суть нашей веры

Интервью со священником Георгием Якимовым, духовником молодёжной общины храма святителя Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского (город Отрадное, Тихвинская епархия)

Беседовала Анастасия Наконечная

Вы духовник молодёжной общины храма. Расскажите, как она собиралась. Много ли времени на это понадобилось? Насколько молодёжь способна объединяться?

Я пришёл на приход четыре года назад, и под моё руководство попала воскресная школа. И я столкнулся с тем, что маленькие ребята, младшие, слушают нормально, когда им всё рассказывают. А есть ребята старшие, которые идут к окончанию воскресной школы, выходят в мир и сталкиваются с тем, что мир захватывает, мир увлекает, мир ставит совсем иные задачи и цели жизни. И с ними сложнее.

Я уже давно занимаюсь детьми – с 2006 года каждое лето работаю в православном лагере вожатым, поэтому этот вопрос меня давно тревожил. Я ведь и сам пришёл к Богу, к сознательной вере в 20 лет. Пришёл сначала в молодёжно-подростковую общину, где собирались ребята при храме попить чай, посмотреть фильм, обсудить его, вместе съездить к святым местам. Потом появились какие-то дела: мы помогали устраивать территорию монастыря в

Старой Ладогге, и нам очень нравилось туда приезжать. Иногда мы приезжали с ночёвкой, ставили палатки. И, конечно, для меня самого дорого и важно это молодёжное общение. Потому что мне самому помогло воцерковиться и духовно встать на ноги то, что я попал в среду сверстников, которых интересовали вопросы веры и то, как с ними прожить в этом мире. И вот сейчас я уже пять лет в сане иерея.

А не сложно общаться с молодёжью? Ведь у них свой язык, свои представления. Всё очень быстро меняется, все они сейчас всё время сидят в гаджетах...

Да, разница есть даже между тем, как мы общались, когда я воцерковлялся, и как они общаются сейчас. Конечно, чувствуется скорость изменений. Поэтому и нужно быть в этой среде. Потому что никуда не денешься, и если мы не будем учиться этому языку, мы не сможем общаться с ними.

А на приходе всё началось с того, что в воскресной школе были подростки, которые её заканчива-

Когда просто приходишь в храм, даже не можешь представить, что есть внутренняя жизнь храма, что там люди общаются, что есть встречи и иные мероприятия. Как правило, тут есть какая-то стена между приходом на службу и включением в жизнь общины. И для меня очень актуален вопрос, как эту стену разрушить.

ют, и чтобы их как-то удержать, я попробовал тот опыт, с которым сам столкнулся. Обсуждая фильмы, мы поднимали духовно-нравственные вопросы, чтобы подрастающие дети могли увидеть их, правильно понять, воспитать в себе милосердие. Смотрели художественные фильмы о детских домах, о вопросах общения между полами и так далее. Надо сказать, всех до одного удержать не удалось. Кто-то сознательно отошёл от храма. Видимо, его водили только «за руку» и он, когда возрос, уже подумал: «Может, оно мне и не надо было, и зачем меня водили?» Такие, конечно, тоже были. Но те, кто всё-таки не отошёл, привлекли молодёжь. На эти встречи вдруг начали приходить ребята постарше, кто-то из числа прихожан, кто-то совершенно извне. И вот, как ни странно, буквально за два года сам коллектив тех, кто посещает эти встречи, изменился. Появилась молодёжь, те, кому больше двадцати или близко к этому. Пришли молодые мамочки, у которых дети немного подросли, и появилась возможность ходить на встречи. Им всем очень не хватает такого общения. Более полугода каждую неделю мы проводим встречи, где вместе обсуждаем отрывки из Священного Писания, мы называем их – Евангельские встречи. Это такая радость, такой восторг, потому что в суете будней людям об этом даже поговорить не с кем, особенно когда в семье не все верующие. И, конечно, молодёжь стала «зацеплять» друг друга. Сегодня четыре года, как я на приходе, и в этом общении объединилось уже около пятнадцати человек. Кто-то из них лишь недавно пришёл к вере. Сергей, который очень помогает мне в работе с молодёжью, зашел несколько лет назад в храм в то время, когда раздают крещенскую воду, и сказал, что собирается быть крёстным и хочет пройти подготовительную беседу. Я рассказал ему об ответственности, о Символе веры. И с этого момента, вдруг, Господь переменял его. Он стал размышлять над этими вопросами. И вот уже несколько лет как он – алтарник, постоянный прихожанин и молодёжный активист.

Как Вам кажется, что самое главное в общении с молодёжью?

Самое главное – показать актуальность веры, открыть живую веру, чтобы каждый почувствовал, как вера способна обогатить тебя. Наши ребята из молодёжной группы, в которую я входил, уже поженились и вышли замуж (наш духовник прямо говорил, что одна из основных целей – помочь нам создать здоровые православные семьи), и хотя нашей организации уже нет, мы всё равно собираемся, и для нас это великая радость.

А на приходе другие задачи. Тут душа требует просветительства. Стоя на богослужении, человек многое оставляет под вопросом, не понимает глубоко, и требуется общение, чтобы объяснить, в чём центр нашей веры. У нас во взрослой воскресной школе был период, когда я разъяснял богослужение, и в ближайшие годы я собираюсь провести курсы лекций по литургии и её изъяснению. Я думаю, вся наша молодёжь это очень поддержит, ведь уже задаётся множество вопросов о богослужении.

А взрослые у вас как-то общаются?

Взрослые, конечно, в основном объединяются благодаря какими-то хозяйственным вопросам: подготовкой храма к богослужению, ремонту и т. д. Но ядро общины, самые активные люди, не только у нас, но и вообще в области, – после службы обычно остаются на совместную трапезу. Как правило, это достаточно большое количество людей. В городе я подобного не встречал. Потом мы устраиваем какие-то лекции, уже общие, не только молодёжные.

Конечно, к этому хотелось бы привлекать всех, но это сложно. Те, кто пришёл (скажем, Сергей, о котором я уже рассказывал), отмечают, что когда просто приходишь в храм, даже не можешь представить, что есть внутренняя жизнь храма, что там люди общаются, что есть встречи и иные мероприятия. Как правило, тут есть какая-то стена между приходом на службу и включением в жизнь общины. И для меня очень актуален вопрос, как эту стену разрушить. **КФ**

Чтобы постоять за себя и не потерять связь с Родиной

Именно так в своих дневниках М.М. Пришвин объяснял свой ответ на один из пунктов переписи 1937 года: «Я – православный верующий»

Текст: Тамара Тябут

Михаил Михайлович Пришвин в прошлом казался мне писателем, тесно связанным с природой – и только... Но побывав в дунинском музее (последнем его доме), я загорелась желанием прочитать дневники свидетеля эпохи, которые он писал каждый год, начиная с 1905 и по 1954 г. Писал он их «в стол», хранил в сундуке, приспособив керогаз для взрыва на случай ареста. Писал и надеялся на публикацию в будущем. Чтение стало таким увлекательным, что не жаль потраченных месяцев. Пришвин предстал человеком мыслящим и страдающим, ещё

до революции принявшим смелое решение – не пересказывать чужих мыслей, думать самому. Он опирался только на личный опыт и в своих размышлениях быстро пришёл к теме возрождения России через пути, которые вели бы человека к личностному возрастанию, поиску своего призвания, творческому отношению к жизни и собиранию на этих путях всех людей доброй совести.

Его мысли дореволюционных дневников касались разницы между истинными переживаниями и вымышленными, между настоящим Богом и литературным. Они касались его увлечения социализмом, переходящим в

учение о коммунизме. В реальности же он увидел трансформацию евангельской притчи о блудном сыне, в этом случае выгоняющем из дома своего отца. Блудный сын взял в свои руки бразды правления в стране, одурачил людей труда ядовитой мечтой о земле и мире, и те пошли войной брат на брата... Пришвин пытался вникнуть в смысл большевистской силы и очень быстро понял, что в этой дурной реальности, которая разлилась по всей стране, «не евреи, мы виноваты сами, каждый из нас... виноват», в том числе и Ленин с его мыслительными «образцами логического безумия». В 35-летнем Пришвине происходит серьезная переоценка ценностей. Он называет советское государство «третьим Римом», со своей пустыней и «временем огненного крещения личности в подвиге любви, творчества человека...» В стране правят звери, похожие на обезьян и только иногда напоминающие людей. Они переиначивают смысл христианства на свой лад, якобы строя жизнь по идеалам Христа. Может быть, поэтому писатель вспомнит о романе Ф.М. Достоевского «Бесы», и в пику бесовщине, разгулявшейся в стране, назовёт себя «деятелем общения и связи».

С кем он общается все эти годы советской власти? Что он хочет «связать»?

В 1920-е годы Пришвин

ещё далёк от подлинной веры в Христову Церковь. Он пренебрежительно называет священника «попом» и надеется на интеллигенцию, оставшуюся в стране и способную, как ему представляется, спасти Россию. По его мнению, интеллигенции «осталось только осознать всю глубину своего страдания и взять на себя инициативу Голгофы». Не отделяя себя от интеллигентов, он ищет точку приложения сил. Вопреки одиночеству и душевной боли, какая бывает только при ноющем зубе, он находит себя в школе («как-то нужно подойти к детской душе»), затем в краеведении, которое, как ему представляется, более всего влияет на сознание. Он быстро расстается с «измами», и о былой поре своего увлечения напишет: «Коммунизм – это название государственного быта воров и разбойников». Но притяжение слова «коммуна» останется, он вновь и вновь будет вспоминать православное братство свящ. Николая Опочкого, образованное им по примеру трудового братства Н.Н. Неплюева.

Тогда же наступает новый период исканий писателя. Отстранившись от интеллигентов, привыкших повторять чужие мысли, он начинает «отыскивать в народе следы возрождения», размышляя попутно о путях рождения личности. В этой связи он задумывается о молодёжи и путешествиях, родословиях и великих в них людях, о просвещении и образовании... Ему вспоминаются встречи с Н. Бердяевым, Н. Лосским, П. Струве... Одиночество нарастает. Пришвин уходит в природу и писательское творчество, чтобы не раздражаться от легкомыслия, глупости и хамства окружающих, чтобы быть самим собой, как он советует сыну. А быть собой значит для него – окунуться в развитие разума, исследование и владение простым словом – по сути, окунуться в творчество жизни.

На этом пути он находит «выход из... противоречивых настроений» и запрещает себе реагировать на примитивные ситуации. Он решает вглядываться в новое поколение и видит в его представителях «корявых детей прекрасного болотного цветка», которым надо со всей силой родственного внимания помогать в вырастании в личность.

В своих исканиях он думает и о том, чтобы «собирать» народ (запись от 24 апреля 1926 года). Но как? Церкви, как он считал, не удалось достичь качественных плодов в «собирании» человека. Остается спрашивать с себя, не оправдываясь никакими обстоятельствами. И он сразу же ощущает в себе стремление молиться по-детски, своими словами, и ожидать подлинной встречи с Богом...

К этому времени относится его осознание себя летописцем. Пришвин находит меткий образ описания действительности – в настоящем из прошлого, догадываясь о будущем. В будущем этого летописца люди вернутся к религии, хотя возвращение будет нелёгким, так как под маской учения Фёдорова в церковь придёт и коммунизм, и искание «личного счастья». Он по-прежнему не доверяет церкви и надеется на творческое преображение жизни. В дневниках этой поры есть его определение этого процесса: «творчество – это воля к ритмическому преображению хаоса». А что при этом будет с недалёкими людьми? По мнению Пришвина, таковые будут подражать тем, кто творит... В собирании творящих ему важна опора на значимое слово. За сеянием слова, верит он, в сознание рабочих войдут культурные ценности прошлого.

В 1930-е годы Пришвин радуется светлым моментам жизни и одновременно задумывается о личных отношениях со Христом, о своей готовности к смерти: «В

прежнее время, – пишет он, – когда все носились с богоискательством, я сказал бы “пожалуй, не верую”, а теперь во время гонений отвечаю: “верую, Господи, помоги моему неверию”». Да и собирать людей он предполагает теперь через Евангелие. Тогда же меняется его отношение и к священникам. И если он ещё говорит о священнике как о попике, то тут же добавляет мысль о подвижничестве того. С большим уважением, хоть и кратко, пишет, например, об отце Михаиле Шике. А самое главное – замечает, что стали появляться религиозные «люди, проповедующие новую жизнь, в которой больше храмов не нужно, и всё совершенно новое, и песнь другая». Ему видно, что старая Россия умерла. За этим общим испытанием (закрытием храмов советской властью) – толчок к надежде на иные пути возрождения России. Его надежда укрепляется после посещения нескольких лагерей особого назначения: Кемь, Соловки, Секир-гора, Пинега. Там он побывал в качестве фото-репортера, посланного от одного из печатных изданий, и, видимо, многое уяснил для себя. Но об этом в дневниках – особенно кратко...

В этот период своего первого «прорыва» в христианство, где нет идеологием и где всё живое, он выделяет ноту братских отношений между людьми. А в дневнике записывает так: «Хочу продумать своё отвращение к учительству. (Хочу не учить, а душевно беседовать, размышлять сообща и догадываться.)» И это «не дело, не призвание, а миссия»... Задумывается он и об ином отношении к врагам: христиане любовью светят в их темноту, в эту историческую стихию XX века.

В Пришвине растёт видение потаённой церкви, с её подвижниками и праведниками. Во время переписи 1937 года он твёрдо говорит, что считает себя право-

«Мне кажется сейчас, что и я, и каждый человек в сущности своей зародились, запаяны, заделаны во что-то непроницаемое для органов чувств других, и вся жизненная задача у нас – это распаяться, открыться и установиться среди всех, как нечто новое и небывалое».

славным верующим. А в дневнике по-своему объясняет свой ответ: так ответил на перепись – чтобы постоять за себя и не потерять связь с Родиной. Немного позже он вспомнит мнение знакомого христианина о том, что мир разделяется на тех, кто со Христом и кто без Христа, и добавит, что и у коммунистов хорошие люди бессознательно идут со Христом, и в церкви кто-то может идти с антихристом. Немного позже он напишет, что слово личность означает – христианин, творческое начало в нём – только благодаря Христу.

Размышляя над тем, как помочь народу задуматься о движении к единству, писатель нашёл для себя единственно возможную форму литературы – творить детский рассказ как сказку («Кладовая памяти») и пришёл к мысли, что надо «пережить» Сталина. Остановившись на этом, Пришвин в 1937 году напишет письмо в правительство. В дневнике остался его черновик: «Глубокоуважаемый т. Молотов, решаюсь обратить Ваше внимание на одно некрасивое явление в нашей стране. Вот как только наступило летнее тепло, на шоссейной северной дороге появились люди с жёлто-зелеными лицами, идущие как черепахи. Спросите, откуда они идут, – “из Архангельска”. Иногда это уже дети кулаков, а сами кулаки кончились на лесозаготовках. Идут они месяца по два. Неужели же они лет за пять работы своей на северных реках по лесосплаву не заработали себе билет на обратный проезд, хотя бы в товарном вагоне? Не говоря о человеческом <Зачеркнуто: возмущении> чувстве сострадания, которое возбуждают эти воис-

тину несчастные тени прошлого, такое пешее хождение, ночёвка в деревнях в течение месяцев, мне думается, политически нам сейчас крайне нежелательны. Ведь даже если они научились на севере вовсе молчать, то не молчит их вид, до последней степени тягостный и никак не отвечающий той картине жизни счастливой страны, которую все мы стремимся создать».

Память о заключённых не оставляет его. Это видно из короткой записи о том, что нести в себе благородство означает нести «неоскорблённость», возникающую не только от окружающих, но и от власти имущих.

Благодаря своей второй жене Валерии Пришвин после 1940 года входит в церковь и осознанно размышляет о том, что значит жить по-христиански. Он задумывается над тем, что может стать причиной эгоизма монаха или прихожанина, думающего только о собственном спасении и забывающего о других людях.

В последние годы своей жизни он живет с выстраданной мыслью, что умирают не от старости, а от спелости. Думает о многом – сжато, афористично. Например, о том, что простой человек – это православный человек. Но (главное!) он размышляет о магистральном направлении возрождения страны – просвещении народа, которым призваны заниматься все люди доброй совести. (Пришвин называет их «добрыми людьми».)

«Мы пропадаем сейчас от невежественной среды, как будто Сталин всё переживал и выплюнул». Но добрые люди живут надеждой, пусть даже в страну придёт Левиафан. Они «когда-нибудь

выйдут на свет и всё скажут...»

Для творческого человека, приближающего возрождение, важно критично осваивать наследие русской культуры. В то же время – верно выстраивать и свой режим дня. Этот режим, по Пришвину, – «слуга жизни, а не как подмена её». По-прежнему важен для него и тон «родственного внимания» к окружающим как то, что собирает людей, вопреки духу провинциализма...

Вновь и вновь обращается он к прошлому, чтобы от имени всех русских мальчиков, рождённых в колыбели отрицания, точнее поставить оценку тому, что произошло в 1917 году и растянулось до XXI века. Не случайно он читает в эти годы книгу философа Н.А. Бердяева о богослове А.С. Хомякове. Не случайно размышляет о феномене толстовщины, замечая, что своей критикой Л.Н. Толстой, с одной стороны, спасал церковь, – с другой же стороны (главной и определяющей!) пошёл на поводу у самости. В дневнике 1952 года Пришвин напишет: «Когда Толстой содержанию опыта любви всего человечества, Евангелию, противопоставил опыт своего личного разума, в этом действии рождались дети его – Ленин и Сталин».

Последняя его запись, которая привлекает внимание с точки зрения путей возрождения страны, – от 7 декабря 1953 года: «Мне кажется сейчас, что и я, и каждый человек в сущности своей зародились, запаяны, заделаны во что-то непроницаемое для органов чувств других, и вся жизненная задача у нас – это распаяться, открыться и установиться среди всех, как нечто новое и небывалое»... КФ

Моя бабушка, монахиня Сергия

Никита Владимирович Благово

Монахиня Сергия приходилась младшей сестрой Вере Николаевне Художиловой (1870–1945), урождённой Васильевой, моей родной бабушке, и была моей крёстной. К глубокому сожалению, из-за того, что она много времени находилась в заключении, наши встречи оказались редкими и немногочисленными. Однако «бабу Таню» я хорошо помню, её мягкий голос, всегда ласковый взгляд, излучавший добро, мрачневший, лишь когда мы проходили мимо погубленных храмов, в частности, неподалёку от церкви Входа Господня в Иерусалим (Знаменской). Интонации её голоса в это время становились глубоко печальными, но без какого-либо раздражения. Конечно, я тогда и не мог предполагать, что почти кроткий облик крёстной таил в себе непоколебимую твёрдость духа.

Родилась она 12 октября 1886 года в Москве в семье почётного гражданина, инженера-технолога Николая Петровича Васильева (1838–1895) и его жены, купеческой дочери Надежды Ивановны Суздальцевой (1844–1900).

После домашней подготовки в 1898 году она поступила в гимназию Э.П. Шаффе, восемь классов которой окончила в 1905 году с медалью. Поступила на Бестужевские курсы. В 1906–1908 гг. училась в Женеве и Берне.

После возвращения в Петербург она продолжила учёбу на Бестужевских курсах. Затем, желая изучить ещё один язык, год жила в Англии и до начала войны – вновь в Швейцарии. Свободно владела немецким, французским и английским языками. Осенью 1914 года вернулась в столицу.

Мысль о монашестве возникла у Татьяны Николаевны в 1927 году, когда она вошла в общину бывших сестёр Иоанновского женского монастыря. В 1930 году архимандритом Алексием она была пострижена в Николо-Фёдоровской церкви Александро-Невской лавры и стала монахиней Сергией. Была членом Александро-Невского братства, состояла в близком окружении священника Сергея Иосифовича Баташева (1878–1937). Посещала церковь «Спас на крови», Иоанновский женский монастырь.

Её арестовали 17 февраля 1932 г. и обвинили в «систематическом проведении контрреволюционной агитации и распространении религиозной литературы церковно-монархического характера», участии в паломничествах к могилам блаженного

Матвея и молчальника Патермуфия. (статья 58, пп. 10,11 УК РСФСР). При обыске были конфискованы 5 фотографий и церковная литература.

Из протокола допроса 4 марта 1932 года: «...В Александро-Невской Лавре, в общежитии монахинь, прожила около пяти лет. Общежитие наше в своём роде, в миниатюре, являлось монастырём. Жили сообща, всего было тринадцать человек.

1. Имели общую кассу, которой заведовали те, кто пограмотнее (я и другие). 2. Производились общие закупки необходимых в жизненном обиходе предметов, которыми ведала по преимуществу кто-либо из нас одна (Загоровская и другие). 3. Общежитейские дела устраивала одна из нас монахиня (именно я). 4. Сообща устраивали утренние и вечерние молитвы... 5. Читали только “жития” святых, вообще книги из священного писания. Кроме того пользовались и размножали путём переписки различные сочинения из обновлённой духовной гимнологии (акафисты, тропари, гимны и т. п.), которые диссонировали советским порядком. 6. Советских печатных материалов (журналов, газет и т. п.) мы не читали».

Постановлением ОГПУ от 22 марта 1932 г. монахиня Сергия была приговорена к 3 годам ИТЛ. Отбывала срок на ст. Потьма. После освобождения проживала в Новгороде. В 1937 году её арестовали вновь, осудили на 10 лет ИТЛ и отправили в Караганду (Карлаг). Освободили её в 1944 году, и последние годы жизни она провела в Муроме, где и скончалась 7 ноября 1953 года. Похоронена там же. **КФ**

Заполняя лакуны церковной истории

21-й выпуск альманаха Свято-Филаретовского института «Свет Христов просвещает всех» целиком посвящён теме истории дореволюционных православных братств

Текст: Татьяна Васильева

Номер журнала составлен по материалам конференции «Православные братства в дореволюционной России: приоритеты деятельности», проходившей в Москве и Подмосковье в феврале 2017 года.

Спецвыпуск открывает статья Натальи Игнатович «Проблемы изучения феномена “братства” в современной исторической науке», в которой автор описывает историографию братств и ставит вопросы, которые называет «белыми пятнами» истории братств, нуждающихся в прояснении исследователями-историками. Статья Юлии Балаксиной посвящена дискуссии о братствах в русской печати 1860-х годов. Это время Великих реформ, отмены крепостного права, когда в печати стали говорить о том, что настало время «снова поднять вопрос о братствах, только теперь он будет вопросом не науки, а жизни». Под «вопросом науки» имелись в виду публикации Киевской комиссии уставов православных братств Юго-Западной Руси и книги сщмч. Иоанна Флёрова «О православно-русских церковных братствах». В статье Александра Копировского исследуется такое явление как возникновение в России трезвеннических обществ, которые ставили своей целью избавление

своих членов от алкогольной зависимости. Автор делает различие между трезвенническими обществами, церковно-государственными учреждениями и братствами трезвости, в которых преобладала личная поддержка друг друга для борьбы с губительным пристрастием.

Деятельность конкретных братств описывается в статьях Василия Трофименко «Малые православные братства в Архангельской губернии в конце 1890-х – середине 1910-х годов как пример социального служения церкви», Елены Прокудиной и Людмилы Комиссаровой «Острожское Кирилло-Мефодиевское братство А.Д. Блудовой как пример православного братства в России второй половины XIX века», Татьяны Носовой «Опыт деятельности православных братств Вологодской епархии в конце XIX – начале XX века», Константина Обозного «Эржепольское Свято-Покровское православное братство в Полоцко-Витебской епархии в начале XX века».

Помимо статей, посвящённых истории дореволюционных братств, в альманах вошёл материал круглого стола «Основные задачи и приоритеты в исследовании православных братств». Это дискуссия, на которой обсуждаются вопросы типологии,

экклезиологических оснований, критериев определения границ православных братств, а также то, в каких исторических, географических и социокультурных условиях возникают братства, почему в каких-то регионах они появляются более активно, а в каких-то менее и какую роль они сыграли в формировании российского общества.

Издатели альманаха надеются, что данное издание поможет стимулировать интерес церковных историков к изучению истории православных братств. Тем более, что в начале этого года в Санкт-Петербурге прошла конференция по истории православных братств XX века и её материалы в данный момент готовятся к публикации. **КФ**

Другие КНИГИ

больше чем чтение

www.drugieknigi.com

По любым вопросам
вы можете звонить на номер
+7 922 600 1681

ДРУГИЕ КНИГИ — это проект о книгах и обо всём, что с ними связано: о чтении, отзывах, рецензиях, общении.

Мы предлагаем Вам замечательные книги небольших издательств, которые трудно найти на видных местах в книжных супермаркетах.

Наши книги о христианстве, истории религии, философии, психологии, культуре или просто хорошие детские сказки рассчитаны на неспешное и вдумчивое чтение. На тёплый разговор о прочитанном с другом за чашкой чая. Они придут на помощь, когда хочешь подарить что-то важное и значительное. Или напротив — нежное и изящное.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

<http://c.sfi.ru/>

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Т Е М А

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

Июнь — время церковного года, когда мы особенно вспоминаем свою связь со святыми — и со всеми святыми, и с теми, кто просиял на нашей земле. И, конечно, не можем не вспомнить, что «не стоит деревня без праведника, а город — без святого».

А если это так, то размышления о святости — это не только память о прошлом, но и вопрос к нам, сегодняшним. Ведь если каждый из нас, посмотрев на себя, честно скажет, что категория святости имеет к нему самое отдаленное отношение, то все вместе мы — «народ святой, люди, взятые в удел». Те, кто должен быть солью этого мира, берегущей его от окончательного разложения. Поэтому тема возрождения нашей разрушенной и поруганной страны для нас — не что-то далекое и заведомо неподъемное...

170 лет назад родился Николай Петрович Аксаков — дальний родственник автора семейной хроники «Детские годы Багрова-внука», славянофил, горячо любивший Церковь и Россию, богослов и церковный писатель. В своём стремлении к возрождению подлинной церковности Николай Петрович стал одним из главных вдохновителей деятельности кружка «32-х», который со временем переродился в Братство ревнителей церковного обновления.